

Аркадий Эйзлер

Наедине со временем

Аркадий Эйзлер
Наедине со временем

«Алисторус»

2021

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Эйзлер А. К.

Наедине со временем / А. К. Эйзлер — «Алисторус», 2021

ISBN 978-5-00180-087-3

Известный советский искусствовед и литератор, близкий друг многих жертв сталинского режима Ираклий Андроников, обращаясь к молодым поколениям, призывал бережно относиться к своему наследию, по крупницам собирать залитое кровью прошлое незаурядных личностей, своим талантом, дерзаниями, независимым мышлением сумевших продолжать творить в эпоху расстрелов и массовых истязаний. Обуянные новыми идеями построения справедливого общества, они стремились воплотить эти идеи в своих творениях, пытаясь оторваться, пойти своим особым путём, часто идеализируя новую власть, порою забывая о враждебном кровавом классовом окружении, прикрывающемся понятиями соцреализма. Амальгама чувств, понятий, поведенческих характеристик различных слоев интеллигенции в период становления и побед сталинского режима стала предметом разбирательств автора представленной работы. На основании личных воспоминаний, дополненных многочисленными документальными данными, воссоздаётся картина создания нового пролетарского уклада, который словно каток закатывает в небытие оставшегося после революции своего «классового врага». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00180-087-3

© Эйзлер А. К., 2021

© Алисторус, 2021

Содержание

Первая часть	6
Пролог как пролог	6
Прогресс – всегда ли прогресс?	8
От врагов внутренних к врагам внешним	16
Мокрые дела сталинизма: от фальсификаций до криминала	23
«Спокойно, Николай, спокойно. Разберемся»	33
Продолжаем разбираться	38
Истоки размывания большевизма	45
Нерешительность Троцкого – шанс Сталина	62
Запоздавшие атаки Троцкого	67
Историческое правосудие	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Аркадий Кальманович Эйзлер

Наедине со временем

Первая часть

Пролог как пролог

Если я испрошу у читателей разрешения рассказать им о моих воспоминаниях, даже убеждая их, что все, что ляжет перед ними на страницы моей исповеди, сушая правда, многие скажут: зачем им это надо, другие, даже несмотря на все мои доводы, ответят мне, что не будут это читать, считая все это чужим, да и вообще бредом. Хотя почему чужим и почему бредом? Но это уже будут мои вопросы к читателям. И прежде чем их задать, следует уяснить, можно ли на них получить ответы. Но хочу успокоить и тех и других – я взялся за перо не ради них. Я никому ничего не хочу доказывать и никого ни в чем убеждать или переубеждать. Я просто хочу для себя понять, как это было. Да и появившееся во мгле воспоминаний темное прошлое может на самом деле оказаться касающимся многих, и если читатель наберется времени и терпения, то выяснится, что он наравне со мной, через близких или друзей, является участником этого прошлого, ведущего в настоящее.

Я очень долго собирался написать о пережитом, но как-то не мог набраться духа. Все пишут и много, а тут и шествие «Бессмертный полк» заменяет прошлое театром теней, размышляет трагедию каждого из нас традиционным мистическим обрядом построенной в колонны толпы.

Конечно, можно сказать, что всех нас ожидает один и тот же конец. Но надо ли ждать такого предопределенного исхода? Может быть, сэкономить жизненные ресурсы и грохнуть себя или в себя? Но это как-то аморально: дети, внуки, а что скажет княгиня Марья Алексеевна, да и толпа графинь и доярок не останется в стороне от ядовитых пасквилей в периодической, в том числе и желтой прессе.

Подстегивает меня взяться за перо и другое – мне мало осталось, и потому не страшно, что скажет обо мне читатель, случайно или по жребию прихвативший с книжного прилавка мою книгу в качестве бесплатного приложения к журналу «Плейбой», более толстую и более тяжелую, но так солиднее. Мне вспоминается рекламное предложение одной из фирм ритуальных услуг, гласившее: «Продажа надгробных плит. При покупке двух третья бесплатно». Нет, нет, не говорите, что литературный труд бесплатный, как думают многие редакции и их достопочтенные редакторы.

Поглощая много времени, отрывая автора от участия в земных удовольствиях, это требует еще и способности последнего, однажды уже пережившего эти события, вновь вернуться к ним, но уже предоставляя возможность и другим их участникам дать свои оценки, воссоздав более выпуклую, объективную картину ушедшего, оставив в стороне личные, только им ведомые впечатления от тех событий. Для чего следует обложиться их воспоминаниями, найти, выбрать наиболее яркие, дополняющие впечатления и оценки, вставить их в свои, снабдив сносками и указаниями, от которых стонет моя помощница Наташа, с трудом разбираясь и путаясь в них.

Мемуары писать – это значит воспроизводить многофакторную объемность прошедшего. Сейчас пишут все, от профессиональных убийц и гангстеров с десятками жертв на счету, от крупных предпринимателей, разоривших себя и тысячи других, до политиков, обманувших целые государства, повергнув их и их народы в кровавые противостояния. Для чего они пишут?

Для самооправдания, самоутверждения, самоуспокоения? Я думаю, что нет. Просто они сожалеют об утерянной власти над своими жертвами, безвозвратно ушедшей и не дающей им покоя. А мы – жертвы первых, вторых или третьих? Почему мы безоговорочно становимся ими? Неужели от страха мы становимся ведомыми, а может, от любви? Разве Гитлера не любил немецкий народ, или Сталина и его свору советский? Мало того – некоторые любят и сейчас.

Я родился в кровавом 1937 г., и у меня мало шансов дожить до 100-летнего юбилея, хотя, захватив два столетия, я могу остаться наедине со временем, несмотря на слова Державина:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Но река времени не успела еще унести из памяти события прошедшего 80-летия, и, плывя по его течению, можно увидеть картины, не подвластные воображению даже великих фантастов прошлого: на берегах Дуная многотысячные кладбища советских солдат, павших за освобождение Вены во Второй мировой войне, тысячи брошенных велосипедов на берегах реки Янцзы и огромное бескрайнее море фотографий жертв и павших воинов многотысячного шествия «Бессмертный полк» вдоль московских улиц. Нет, это не цинизм, это просто шаги времени. Время пожирает все и всех. В 2018 г. в России проживало около 1,6 млн инвалидов и ветеранов ВОВ (включая приравненных к ним лиц и членов семей погибших или умерших инвалидов и участников войны)¹. В 2017 г. в стране их было около 1,8 млн, а в 2016 г. – 2,13 млн человек. Это только пример безжалостности времени.

Время порождает новые технологии для гигантского развития созидательной индустрии, одновременно выдавая на-гора новые виды оружия для разрушения результатов ее развития. Стоит посмотреть на разрушенные города Сирии, Ирака и Ливии, чтобы в полной мере оценить результаты применения новых технологий. Но это уже современность, а я говорю о воспоминаниях, в которых мы можем найти штрихи и нашего настоящего и будущего. К ним и перейдем под впечатлением обгоняющего нас прогресса.

¹ <http://www.tv21.ru/news/2018/05/09/mintrud-poschital-skolko-veteranov-vov-zhivet-v-rossii>

Прогресс – всегда ли прогресс?

Говорят, без прошлого нет будущего. Банально! Но тем не менее я, живущий за границей уже более 45 лет, все же хочу представить свое будущее, отпущенное мне временем, вдали от родины, от прошлого. Удастся ли? Можно ли так просто отбросить свое прошлое или попытаться тащить его за собой не в качестве балласта, а как предостерегающий сигнал, предотвращающий ошибки прошлого? Пытаясь заглянуть в будущее, мы постоянно сталкиваемся с огромным перечнем проблем и вопросов, уже, казалось бы, устаревших, но возникающих перед нами каждый раз по-новому, во всей своей остроте и прагматизме. И всегда их объективный анализ становится возможным, только если рассматривать человека как сложный биологический комплекс, находящийся среди других себе подобных в общей окружающей среде, постоянно изменяющий ее, приспособливая для собственного оптимального обитания, обеспечивая научно-технический прогресс, приводящий в действие механизмы, меняющие правила и законы нашей жизни и связанные с ними критерии морали и этики.

Могилы советских воинов и жертв Второй мировой войны на венском кладбище

Казалось бы, все ясно. Да и статистика врать не станет, ибо, несмотря на все кризисы, людям все лучше и лучше живется на Земле. Ученые Мичиганского университета начиная с 1981 г. регулярно опрашивали в каждой из 52-х стран по 1400 человек об их душевном состоянии. Из них в 45 странах люди в прошедшие 25 лет чувствовали себя все более счастливыми. Рост благосостояния и удовлетворения потребности в счастье отражает, например, тот факт, что в 2012 г. в Китае было выпито 27 млн литров коньяка, что в два раза больше, чем в 2007 г.

Среди 10 стран, находящихся на верхушке пирамиды счастья, где это состояние в последние годы постоянно улучшается на 10 %, находятся не только такие благополучные страны, как Швеция, Дания и Япония, но и Аргентина, Нигерия, Южная Африка. При этом на пике пирамиды находится Мексика с приростом счастья в 25 %. Как пишут исследователи, счастье приносит большая личная свобода, объясняя, почему население восточноевропейских государств чувствует сейчас себя счастливее, хотя сегодня их экономика находится в худшем состоянии, чем при коммунизме.

Но итоги этому исследованию подводились в кризисном 2008 г., и с тех пор экономика этих стран изменилась к лучшему². Итак, прогресс налицо, и передовое человечество периодически успокаивается как от благ, привнесенных очередными новыми достижениями и открытиями, так и от различного рода революционных всплесков, в корне меняющих все предсказания пророков и теоретиков-основателей пресловутого поступательного движения вперед. Однако как далеко можно уйти назад, чтобы столкнуться с аналогией фактов и порождающих их причин? Правда, собственная жизнь накладывает весьма строгие границы на эти путешествия в прошлое, которое нам важнее всего, исходя из совсем не праздного любопытства касательно собственной судьбы.

² Krone Zeitung. 29.08.2008.

Велосипеды различных прокатных сервисов на свалке в Ухане, провинция Хубэй. Китай, 07.04.2018 г.

Но, возможно, существуют такие академические критерии, подводящие итоги этим событиям – важнейшим на определенных этапах нашего устремления вперед, создающим фон их повторения. В свою очередь и они действуют на нас, постоянно формируя из нас новую личность, и мы остаемся лишь марионетками в этой странной игре времен и явлений. Да и трудно

отделить нашу судьбу от судьбы страны, называемой нами великой, и хотя жить в ней становится «лучше и веселее», все время стремимся покинуть. Поэтому есть смысл покопаться в ставшей общей для нас истории.

Передо мной (прошу спрятать или хотя бы подавить саркастическую улыбку) «архиважный», согласно любимому ленинскому выражению, манускрипт К. Маркса и Ф. Энгельса – «Революция и контрреволюция в Германии» – предмет многих теоретических дискуссий и диспутов на протяжении всех 70 лет советской власти, никем почти не читаемый, но при этом многие на него ссылаются. Ибо только участие в его обсуждениях давало возможность высказаться, оставить свое «веское» слово в бесконечных прениях, протоколах, повестках дня, замечаниях к выступлениям предыдущих ораторов.

Была такая наука – марксизм-ленинизм, изучение и глубина познания которой определяли карьерный рост и, соответственно, привилегии. Ее постоянно и обязательно изучали все – от директоров заводов до грузчиков и официантов. По всей стране собирались партийные ячейки или просто группы и изучали, изучали или, притаившись, спали. Многие к концу рабочего дня перед началом занятий, «принимая на грудь» для ясности мысли, впадали в буйство или в летаргию, в зависимости от того, что и сколько давали после партучебы в одни руки – рагу в виде набора костей или суповой набор из тех же костей в нагрузку к гречке, муке или палтусу.

Согласитесь, нехорошо, когда второстепенное, по сути, не существенное для читателя выскакивает всякий раз из черепной коробки автора, делая его главным, со всеми подробностями и мельчайшими деталями. Но поверьте, именно эти рагу или палтус были одними из важнейших достижений эпохи победившего социализма, являясь одновременно и его мотором.

Бессмертный полк, Москва

Сравнивая исторические революционные перипетии России 1991–1993 гг. с революционными событиями в Европе 1848–1849 гг., опустив революционный переворот октября 1917 г. как аномальное авантюристическое явление с непредсказуемым началом и концом, можно констатировать, что властители в очередной раз остались прежними. Власть снова оказалась в руках государственных структур, бывших директоров, секретарей ЦК, первых секретарей, идеологических трубадуров прошлых лет, пораженных теперь националистическим

религиозным дурманом, с таким же неистовством припадающих к образам и алтарям, как и в прошлом к цитатникам Энгельса, Маркса, Ленина, Сталина.

Но по причинам развала общества, конечно, 1991 г. имеет своим аналогом 1917 г. В обоих случаях крах режима произошел по внутренним причинам, вобравшим в себя неудачи Первой мировой и «холодной» войн, ибо как в первом, так и во втором случае власть тщетно пыталась предать борьбе с германским или американским империализмом общенациональный характер.

М. Захаров, касаясь уроков истории, писал: *«Если всерьез задуматься о революции 1905 г., изучив ленинские директивы о целенаправленных поджогах, уродовании лошадей полицией клубками колючей проволоки, правильном применении бульжников, можно ощутить планомерное раскачивание „Красного колеса“, раскалившегося от подстрекательских выкриков, стронувшегося с места и покотившегося от февраля 1917 к 1941 г., уничтожая лучшую часть русского общества. Погибли не только талантливые головы, но и целые классы».*

Возможно, в последнем развале 1991–1993 гг. и сформировалась генеральная линия бывших комсомольских вожаков, ранее прикрывавшихся прогрессивным человечеством, а теперь приспособившихся к современности, взяв на вооружение не менее прогрессивные идеи «мочить в сортире» все не соответствующее их представлениям о «добром и вечном», выдвигая свои новые критерии этих понятий вплоть до ухода в религиозный дурман. Это выражается стремлением вновь подогнать слегка разбушевавшееся общество приобщением к общему идеологическому корыту, когда все пьют из него одно и то же пойло. Но это уже трудно сделать, ибо при возврате в капитализм сразу дает о себе знать классовое разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, и трудно представить современного олигарха и героя Маяковского литейщика Козырева, сидящих у одного корыта, распивая единое пойло.

Итак, прогресс не всегда прогресс. Мало того, его многие не хотят. Может быть, еще по инерции и хотят, руководствуясь новыми идеями, но на поверку он им «до фонаря», «по барабану». Создается дымовая завеса, восходящая от кадила всепрощения, стираются лица новых хозяев заводов, дворцов, пароходов – бывших следователей и соглядатаев, с совестью, надежно законспирированной этим фирмамом. Их идеологические взгляды находятся в полном резонансе с идеологическими устремлениями трудящихся масс и трудовой интеллигенции. Снова, как и раньше, все одновременно встают, в зале раздаются аплодисменты и возгласы в честь новых чинов от губернатора до президента.

Как ни парадоксально звучит постановка вопроса: «Кто делает погоду в России?» – на него звучит не менее парадоксальный ответ: «Те же, кто делал ее в СССР!» Малый капиталистический застой – младший брат «Большого социалистического застоя». У них одни и те же родители – стареющие социалистические элиты. «Революция лаборантов» по прошествии лет обернулась «контрреволюцией деканов». Советские профессора и академики, врачи и главврачи, генералы и адмиралы, ректоры, наконец, профорги, комсорги и парторги оказались гораздо более приспособленными к новым общественным условиям, чем многие от них ожидали³.

Поэтому прогресс им нужен ровно настолько, насколько его можно использовать для наполнения собственного кармана зеленым тельцом – нестареющим двигателем человечества. А поскольку, как теперь выяснилось, капитализм – более прогрессивный вид общественной формации, чем социализм, и если еще добавить к нему определение «государственный», то вообще размываются понятия о собственности. Перед алтарями в церквях стоят все те же государственные люди. Их задачей является неустанная забота о народе, о котором они постоянно пекутся. А то, что они имеют больше других, так у них и ответственности больше. Разве можно их головную боль соизмерить с головной болью доярки, большую часть времени находящейся

³ В. Пастухов. Пожиратели времени // Аргументы недели, № 5, 01.02.2007.

в плену вымени собственной коровы. Конечно, у нее есть возможность свой тяжелый ручной труд заменить опять же прогрессивным агрегатом для дойки коров, но где взять деньги? Да и коровы не валяются на обочинах пыльных дорог России.

Вспоминается реплика об этих возможностях молодого, популярного в 60—70-х гг. конферансье О. Милявского, иронизировавшего по поводу транспаранта-лозунга сберегательных касс советского времени о доступности средств передвижения – незабвенной мечте трудящихся СССР: «Накопил и машину купил». Милявский приводил со сцены математические выкладки, согласно которым для приобретения автомобиля «Волга» необходимо было отработать 20 лет, отказывая себе в еде, питье и жилье.

На протяжении 70 лет в Советском Союзе существовало однозначное понимание прогресса, заикленного только на полетах в космос и ядерном вооружении. Конечно, сюда можно добавить и 17 млн «калашниковых», истребивших больше людей, чем атомная бомба. Межреволюционный период с 1917 по 1991 гг. поддерживался огромной пропагандистской кампанией, ведущейся по вероломным правилам захвата человеческой души изоляционной дезинформацией, направленной на поиск врага на чужой и своей территориях, с периодическим развязыванием вооруженных конфликтов, переключавшим внимание населения с неразрешимых жизненных невзгод на мифического мнимого врага, навязывая свое понимание прогресса.

Нам, старикам с русскими корнями, вступившим в очередной, еще более дремучий десяток, трудно отвечать на вопросы, подбрасываемые этим самым прогрессом. Вся наша жизнь «от первого мгновенья до последнего» была измордована этим прогрессом, вечным ожиданием каких-то важных событий, способных повернуть нашу жизнь, когда каждый получит сполна гречневой каши или ее почти божественную вариацию в виде манны небесной. Причем на пути этого прогресса все руководствовались лозунгами и призывами, срок действия которых не ограничивался во времени, то есть оставался вечным.

Исторические концепции укладывались в четкую схему вопросов и ответов: «Кто ездил до революции в красном трамвае?» Ответ следовал так же прямолинейно в лоб: «Попы, дворяне и деклассированные элементы». Тот же Маяковский феноменально просто формулировал претензии пролетариата к интеллигенции своей крылатой фразой: «Что вы играете все время на черной клавише, рабочий класс не уважаете?» Реакция могла быть только одна – шок. А брать пример и «жить с кого»? – «С товарища Дзержинского». А кто такой товарищ Дзержинский? Не тот ли аскет революции в длинной, до пола, изъеденной молью вечной шинели, застреливший собственного брата? Но сейчас не об этом.

И если тебя уже нашли в огороде или в бузине и уровень твоего самосознания достиг критической точки восприятия действительности, ты должен знать, что существовал товарищ Ленин, бывший до революции мальчиком Ульяновым. А положив перед собой остро отточенный карандаш и белый, в три косых, листок бумаги, сконцентрировавшись на образах великих идеалов прошлого, в частности того же мальчика Ленина с завитыми кудряшками, можно изложить свое будущее большевистское кредо при написании первых доносов. Следуя, опять же, указанию маленького вождя, взявшего на вооружение мысль Некрасова «словам тесно, а мыслям просторно», другой любимец советской детворы – Павлик Морозов – не замедлил реализовать их в своем донесении. Запахло кровью!

По мере становления личности и получения образования просветительские лозунги Ломоносова: «Металлы и минералы домой не придут» – модифицировались в конкретные призывы Мичурина: «Человек не может ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Ну а потом: «Все выше, и выше, и выше...», «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Сколько деревьев было посажено, сколько планеров запущено! Сколько тиров и парашютных вышек построено, бомбоубежищ вырыто! Зазвучали и национал-патриотические лозунги, например: «No pasaran!», причем на чистом испанском языке. «Фашизм не пройдет!», «Будем бить врага на чужой территории» – это уже стратегические концепции, через которые

красной нитью проходят «любовь к соотечественникам» и «человекосбережение» в пересчете на душу населения.

Чуть позже прогремело: «Родина-мать зовет!» И далее, уже с пантеона с лежащими в нем останками чисто выбритого накрахмаленного старца, прозвучало обращение к солдатам, понурым маршем проходящим по Красной площади, замаскированной от налетов вражеской авиации сумрачными ноябрьскими тучами: «Пусть благословят вас имена Д. Донского, М. Пожарского, М. Кутузова, А. Суворова...» А кто должен благословлять всеми этими великими именами, составляющими воинскую славу и гордость России, ряды защитников Москвы? Конечно же, служители культа! Поэтому просьба, уважаемые господа, ко всем вам, уютно разместившимся в красном трамвае: «Позвольте, любезные, выйти и, справив свой профессиональный долг, вместе с разбежавшимися и спрятавшимися по подворотням и погребам, тюрьмам и ссылкам дворянами, пожалуйста-ка в окопы, на передовую, в штрафбаты... Бывших полководцев восстановим в чинах, приставим к ним любовниц, семьям – пайки или пайку, как угодно».

Система вопросов и ответов очень пригодилась в тяжелые годы фашистского нашествия, когда на чужой территории оказались не мы, а немцы, причем генералы отечественного происхождения подкармливали собой червей на безымянных кладбищах, а маршалы были переведены с кремлевских пайков на тюремную баланду. Именно в этот грозный час раздался крик ефрейтора Клочкова: «Отступать некуда, позади Москва!», хотя позже выяснилось, что кричал не тот и погибли не те, но тем не менее почти вся панфиловская дивизия полегла, отстаивая столицу. Возник вопрос: где Сталин? Куда он смотрит? Может быть, он куда-то сбежал? Как он мог допустить, что полчища фашистов прошли половину СССР и подступили к Москве? Эти же наивные вопросы звучали из уст немецкого командования, в руки которого попала срочно внедренная в отряд народных мстителей молодая разведчица, комсомолка З. Космодемьянская. На вопрос немецких офицеров: «Где Сталин?» – следовал четкий, не оставляющий никаких надежд на географическое определение места нахождения вождя, гордый за страну и себя ответ юной героини: «Сталин на своем посту!»

В истории можно отыскать много лозунгов и призывов, даже обретавших стихотворную или песенную форму. То, что люди пишут, известно еще со времен древних этрусков. И поют опять же с тех времен. Но вот призывать, мобилизовать, поднимать – это стало делом не только продолжателей традиций кровной мести, но было принято на вооружение также и Марксом, осознавшим вместе со своими последователями воздействие на массы мобилизующего эффекта пропаганды, трансформировав в связи с этим свое учение из чисто экономической теории в стройную систему революционного взрыва. Конечно, она была наделена и расширена различными тактическими, даже террористическими инсинуациями, изложенными чист по чести в манускриптах на пергаменте для соблюдения конспирации, невидимыми чернилами.

Впоследствии, используя цитату Пушкина «Из искры возгорится пламя», придумали название первой российской подпольной революционной газеты – «Искра», прикрываясь авторитетом великого поэта, ссылаясь на его якобы диалектическое мышление перехода количества в качество. Уже в самом цитировании проявились свойственные последователям теоретиков коммунизма и большевизма передергивание и даже полное искажение мысли поэта. У Пушкина:

Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Речь идет о просвещенном народе, запечатленном в образах Онегина, Печорина, Базарова, Рахметова и Веры Павловны, а совсем не о горьковском спортсмене Данко, накачавшем бицепсы, и не о безмолвном Герасиме и преданной ему Муму.

Другой хит того же времени уже в глобальном масштабе заставлял содрогаться сердца угнетенных и поработанных людей всего мира. Создание атомной и водородной бомб демонстрировало готовность империалистов разжечь очередную мировую войну и совершить новый марш-бросок на родину социализма. Поэт-песенник Л. Ошанин в своем гимне демократической молодежи мира, говоря не от имени какой-нибудь отдельно взятой Малаховки, а «по поручению» всей матушки-земли, так видел цель нашего ответного поступательного и прогрессивного движения:

Цель наша – правду отстаять,
Мир для людей,
Чтоб увидала каждая мать
Счастье своих детей.

От врагов внутренних к врагам внешним

Еще до зарождения советской власти в самом стане друзей мирового, революционного и прогрессивного движения появились внутренние враждебные группировки ревизионистов, например, Бернштейна и Каутского, «опошливших» марксизм, исключив из него учение о диктатуре пролетариата, считая его не абсолютным носителем прогресса. С течением времени, уже при создании республики Советов и после ее становления, в годы развернутого строительства социализма к ним непрерывно добавлялись и «политические проститутки» Зиновьев и Каменев, продавшие планы революционного переворота буржуазной прессе, и троцкистско-зиновьевские, бухаринские, каменевские, тухачевские и другие группировки во главе с политическими двурушниками, рвачами и выжигами, извергами в белых халатах, наемниками мирового сионизма. А ежовщина, власовцы, чеченцы и осетины, преступные группировки Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова – разве они любили свою страну?

Разве были преданы делу коммунизма так называемые его зарубежные продолжатели, якобы радеющие за реализацию коммунистических идей в своих странах, а на самом деле, прикрываясь идеями всемирной революции, сомкнувшиеся с фашистской идеологией, постоянно находясь в замаскированной оппозиции сталинскому большевизму. С ними расправлялись особенно жестоко, ибо они, будучи несогласными с насаждаемыми в их партиях сталинскими концепциями нетерпимости к инакомыслящим, были последовательными противниками репрессий, проводимых сталинской внешней политикой. Следует привести некоторые характерные для того времени примеры, относящиеся к первой половине 30-х гг. В ярославском политизоляторе содержались три члена Политбюро ЦК компартии Венгрии, приглашенные в СССР для обсуждения спорных внутрипартийных вопросов и сразу же арестованные после приезда в Москву, а югославские оппозиционеры, отбывшие три года заключения и потребовавшие возвращения на родину, получили без всякого нового дела еще два года изолятора, замененных позднее ссылкой. Китайские коммунисты-оппозиционеры, обучавшиеся в университете имени Сунь Ятсена в Москве, после его закрытия были отправлены в ссылки и концлагеря или выданы на расправу Чан Кайши, насильственно доставлены пароходом из Владивостока в Шанхай. Пятьдесят видных польских коммунистов расстреляны без всякого суда по огульным обвинениям в шпионаже и провокациях⁴.

Эти и другие аналогичные сообщения содержались в письмах из СССР, публиковавшихся в «Бюллетене оппозиции», выпускаемом Троцким. В одном из них говорилось, что в Соловецком лагере наряду с советскими политзаключенными находилось много венгерских, болгарских, румынских, польских и других зарубежных коммунистов, осужденных за «шпионаж». «Это была одна из форм расправы с оппозиционерами-иностранцами»⁵. Перед такими расправами оказывались беззащитными прежде всего коммунисты тех стран, где господствовали фашистские или полуфашистские режимы и деятельность компартий была запрещена. В 1935 году из 76 партий, входивших в Коминтерн, 50 вели работу в нелегальных условиях.

Троцкий, подводя итог возникшей ситуации, в статье «Революционные пленники Сталина и мировой рабочий класс» раскрывал механизм репрессий против зарубежных коммунистов: *«Та часть национального ЦК, выполняющая в данный момент поручения московской клики, обращается к последней с ходатайством избавить ее от оппозиции. Сталин вызывает оппозиционеров в Москву, где их после короткой попытки „убеждения“ подвергают аресту, заключению в изоляторы и другим видам расправы. Среди сотен убитых „в связи“ с делом Кирова, т. е. в подавляющем большинстве своем без всякой связи с этим делом, расстрелян*

⁴ Бюллетень оппозиции. 1935. № 47. С. 2; № 49. С. 8, 11.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. С. 13.

был ряд болгарских и других иностранных оппозиционеров... Вызов в Москву „на совещание“ означает сплошь да рядом предательскую ловушку... В этих случаях агенты Сталина действуют методами, достойными самых квалифицированных американских гангстеров»⁶.

Троцкий писал о шпиономании, развернувшейся на страницах советской прессы: *«В СССР расстреляно за годы сталинского самодержавия немалое число иностранных коммунистов-оппозиционеров... Не будет ничего удивительного, если агенты Коминтерна объявят всех расстрелянных и арестованных в СССР иностранных коммунистов „шпионами иностранных разведок“»⁷.* Так обеспечивался карьерный рост лишь тех, кто безоговорочно оправдывал и прославлял все, что происходило в СССР. Всем нашим прошлым мы были приучены к безошибочности партийных решений и партийной дисциплине, одинаковой для всех, к мысли, что СССР всегда прав.

Уже после Второй мировой войны и разгрома фашизма СССР, получивший под свое правление так называемые страны народной демократии, установив в них диктатуру братских партий, окружил себя идеологическими союзниками, проводя в них непрерывные идеологические чистки, выявляя шпионов и сионистов, опираясь на богатый опыт борьбы с врагами и их буржуазными подстрекателями в годы становления советской власти, громя их враждебное инакомыслие и идеологические концепции. Если копнуть в ближайшем окружении, то страна обложена со всех сторон шпионами и сионистами: венгерскими лакеями, такими как Ласло Райк, болгарскими ренегатами во главе с Т. Костовым, чешскими ревизионистами от Сланского до Дубчека, польской оппозицией, начиная с Гомулки и заканчивая Циранкевичем, югославской кликой Тито вместе с Джиласом, Карделем и Ранковичем, албанскими перерожденцами во главе с Э. Ходжей и М. Шеху.

Все они – основатели и продолжатели идей мирового прогресса, наши бывшие друзья, шедшие по указанному нами пути, преданные нашим идеалам, любили нас и, что самое главное, в подлиннике читали Маркса, Ленина, Каутского и Бернштейна, цитируя по памяти строчки и страницы. Этим самым друзей было великое множество, начиная от густонаселенного Китая или от освещенной лучами Адриатики Албании и заканчивая Кубой, Боливией и африканскими странами с их повстанческими движениями и племенами, ведущими борьбу за правое дело с помощью пик, стрел и более современного оружия – арбалетов.

Чтобы прикоснуться к тем временам, листаю подшивку «Литературной газеты» за 1947 г. В глаза бросается рубрика под названием «Наши друзья». Мелькают созданные мастерами пера образы все тех же Мао Цзэдуна, Ходжи, Тито, Гомулки, Ракоши, полные романтизма революционной борьбы. Сколькими эпитетами порядочности и добродетели наделены эти руководители братских коммунистических и рабочих партий! И ничто не предвещало заката этих восходящих звезд – вождей коммунистического движения. Например, статья А. Манусевича восхваляет товарища Владислава, того самого В. Гомулку, признанного лидера польского народа, уложенного спустя некоторое время на нары по решению Сталина. А рядом статья о борце за мир М. Ракоши. Парадоксально, но и ему впоследствии, как и Сталину, будет вменен культ личности, и остаток своей жизни он проведет вдали от своей любимой Венгрии на полном обеспечении Кремля.

Большинство вождей постигла печальная участь: отторжение от власти с последующей ликвидацией как перерожденцев, осознавших, что дело приняло другой оборот, и пытавшихся перейти на сторону врага. Причем многие, будучи арестованными, давали на допросах ложные показания, спасая себя и свои семьи – во всяком случае, надеялись, что спасали. Фейхтвангер в своей книге «Москва 1937», подытоживая московские показательные судилища над ветеранами партии и как бы предупреждая о грядущих процессах над новыми вождями коммуни-

⁶ Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 5.

⁷ Там же. С. 4.

стического движения, писал: *«То, что обвиняемые признаются, объясняется очень просто. На предварительных следствиях они были настолько изобличены свидетельскими показаниями и документами, что отрицание было бы для них бесцельно»*. К счастью, Фейхтвангер не был участником этих предварительных следствий и не мог стать свидетелем процедур получения этих показаний. По наивности писатель задается вопросом: *«Как они должны были себя вести, увидев перед собой весьма внушительный следственный материал, изобличающий их в содеянном? Они были обречены, независимо от того, признаются они или не признаются... Грубо говоря: если они не признаются – они обречены на смерть на все 100 %, если признаются – на 99... Из их заключительных слов видно, что такого рода соображения действительно имели место»*.

Как легко связывает история преступления в один узел, несмотря на временные интервалы, сопровождаемые иллюзиями взаимного доверия и братской взаимопомощи. Сколько многомиллионной, как всегда, безвозмездной помощи было предоставлено китайскому народу, выбравшему тем не менее свой особый путь. Формальной причиной для этого послужило издевательское поведение товарища Сталина к другому своему товарищу Мао, попридержанному посредством многодневного «ареста» в счастливом неведении в номере московской гостиницы. Согласно писаниям многочисленных исследователей, этого было достаточно, чтобы великий китайский кормчий затаил злобу и пошел своим путем, заставив усомниться в строфах Л. Ошанина, что «русский с китайцем – братья навек». Дружба продолжалась всего несколько лет, вскоре перестав соответствовать словам ведущего советского поэта-песенника:

В мире прочнее не было уз;
В наших колоннах ликующий май.
Это шагает Советский Союз;
Это могучий Советский Союз,
Рядом шагает новый Китай!
Новый Китай! Новый Китай!

Бросив своих детей на госдотации советского правительства, Мао занялся внутренним переустройством китайского общества, выдвинув лозунг «пусть расцветают все цветы». В Москве встрепнулись, опасаясь, что китайский НЭП и культурная революция с озверевшими массами, стихийно вышедшими из-под контроля хунвейбинов, – это допущение к власти мелкобуржуазных элементов. В Кремле поселился страх. Успокаивало лишь обладание атомной и водородной бомбами, но применительно к Китаю эффект молниеносной войны казался весьма сомнительным. Было заморожено строительство промышленных объектов и огромных промышленных комплексов, осуществляемое с помощью СССР. Советские специалисты, так и не успев освоить китайский язык, были отозваны на родину. Госплан подсчитывал убытки, что в переводе на язык марьянорощинской шпаны, из которой я вышел, означало: «Ваши денежки пахнут воблюю».

Мао ударился в плавание. Он регулярно, в присутствии жен, любовниц, интернациональной прессы и кислородных подушек, переплывал реку Янцзы под охраной соединений морской пехоты. Чтобы не скучать, во время заплывов он сочинял лозунги текущего момента, увековеченные впоследствии многомиллионными тиражами «красных книжечек» или цитатников, не придумав ничего нового. Каждый китаец, по примеру советских людей, должен был зазубривать цитаты великого кормчего всех времен и народов азиатского материка и примкнувших к нему краин.

Затем между СССР и страной восходящего солнца произошел Даманский пограничный конфликт и прочие неприятности, продолжавшиеся до тех пор, пока китайцы не осознали, что количество стальных колонн своих солдат, укладываемых штабелями скорострельной техни-

кой советского оружия, зависит только от наличия у защищающей стороны боеприпасов. А их как раз было предостаточно, ибо складские помещения Советской армии буквально трещали от перепроизводства отечественной оборонной промышленности. Китайцам оставалось только создать свою атомную бомбу, что они и сделали. Снова возникла дружба, но уже не бескорыстная, а прагматичная.

Ну а с албанцами? – с теми проще. С ними у нас нет общей границы. «Послали» и все, как отрезали. А сначала было как в сказке – Э. Ходжа, легендарный герой и вождь албанского народа, нашел свой прообраз в лице великого воина и полководца Скандербега. Был снят даже одноименный фильм, исправно сработанный сценаристами и композиторами дружественных стран. Хвалебную песню тов. Сталину написал выпускник Московской консерватории, будущий автор гимна Албании, руководитель театра оперы и балета Тираны Ч. Задея, а исполнил ее впервые на русском языке солист Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии им. Александрова заслуженный артист РСФСР Н. Лукьянов, жена которого Евгения Адольфовна давала мне первые уроки пения. Солист призывно бросал в зал:

О Сталине мы песню споем!

А Краснознаменный хор кричал за спиной:

О друге!

Солист:

За ним идем мы верным путем.

Хор вторил:

За другом!

Солист:

И мы, борясь и строя новый мир свободный...

Хор ревел вместе с солистом:

Славу Сталину поем!

Каково? А через пару лет Ходжа и Шеху «продали» страну китайским экстремистам и пресловутому американскому капиталу, солист, к большому несчастью, разбился на мотоцикле, а сам Ходжа врезался в память как диктатор, хищник, лицемер и многоженец.

Вообще распевание революционных песен борьбы за лучшее будущее было свойственно всему коммунистическому рабочему движению, начиная с Интернационала. «Это есть наш последний и решительный бой», – это не только суровая обреченность, но и растянутая на столетия эпоха противостояния. Даже в фашистской Германии теряющие свои позиции коммунисты Э. Тельмана, воодушевляясь экстазом всеобщего равенства, в своих последних маршах по городам страны распевали песни революционной борьбы своими пролетарскими солистами и великолепными интерпретаторами, такими как, например, Э. Буш. Их можно было петь где угодно: их тексты были универсальными, нацеленными на победу поднимающегося с колен пролетариата в мировом масштабе:

Идут стальные колонны, и песня зовет их в бой!

Например, композитор Г. Эйслер написал песню на слова Б. Брехта, в русском переводе звучащую так:

Марш левой! Два! Три!
Марш левой! Два! Три!
Встань в ряды, товарищ, к нам!
Ты войдешь в наш единый рабочий фронт,
Потому что рабочий ты сам!

И все время марши, и обязательно колонны и равнение. Многие песни трансформировались в простые лозунги и призывы, постоянно используемые для разрушения идеологических концепций стран-противников их внутренними врагами: «Долой поджигателей новой войны!», «Миру – мир!», «Да здравствуют французские докеры!», «Руки прочь от Кореи!» Последний лозунг был особенно характерен для СССР, постоянно вмешивающегося в дела других государств, науськивая, подстрекая их народы против собственных и чужих правительств, создавая слухи и сплетни, мистификации и небылицы, используя буржуазное правосудие для разрушения буржуазных основ общества.

Был создан почти сказочный миф о народно-освободительной миссии Северной Кореи, имевшей целью освобождение Южной Кореи, выбравшей, в отличие от Северной, западный образец развития страны. Во главе Северной Кореи был поставлен так называемый народный вождь и любимец Ким Ир Сен, майор КГБ, ускоренно обученный в марксистском кружке. Усиленно натаскиваемый СССР, осознавая неустойчивость своего режима, он осуществил крупномасштабное вторжение в Южную Корею, руководимую Ли Сын Маном. Причем последний всегда употреблялся в сочетании со словами «пресловутый наемник империализма», а Ким Ир Сен – с эпитетами великого народного героя. Кто же был на самом деле пресловутый Ли Сын Ман, в отличие от офицера КГБ? Это был, прежде всего, продолжатель древнего рода, окончивший Гарвардский и Принстонский университеты, основатель чудо-государства Южной Кореи, до сих пор являющейся образцом западной демократии. СССР, имевший за плечами успешное испытание в Семипалатинске ядерного оружия, добившись тем самым атомного паритета между великими державами, неважно каким образом – за счет ли достижений собственных физиков или посредством шпионажа, сделал Ким Ир Сена первой пробной фигурой, воспользовавшись им в попытке нарушить атомное равновесие конвенциональными средствами.

Для этого, сосредоточив 25.06.1950 г. на границе с Южной Кореей группировку в 150 танков и 200 истребителей, армия Северной Кореи неожиданно перешла границы своего соседа, дойдя в течение 27 дней до Сеула, но благодаря вмешательству международных войск ООН была отброшена за 38-ю параллель. Война на Корейском полуострове была прекрасным полигоном для советских летчиков, проходящих боевую обкатку, привыкая стрелять в американцев. 22 летчика-истребителя получили там звание Героев Советского Союза. Советские ВВС потеряли над Кореей 335 самолетов и примерно 200 летчиков. Точная цифра не обнаружена. Впоследствии Северная Корея, усмиренная международным бойкотом, превратилась в ядерную державу, а население перешло на пайковый продовольственный режим с интенсивным использованием подножного корма. И это тоже прогресс.

Плакат для газеты «Правда» «Английский забастовщик», 1926. Тема плаката связана с событиями в английской угольной промышленности, охваченной в 1926 г. крупной забастовкой горняков

Лозунги и призывы становятся нормой мифологизации общественного мнения, проходящей красной линией через время до и после войны. Один из крупнейших художников Советского Союза Д. Моор в своей монографии, изданной в 1937 г., помещает рисунок, изображающий убогого шахтера с унылым подростком, выглядывающим из-за спины. Подпись под рисунком весьма характерна для того времени: *«Всякий, кто теперь саботировал бы, кто не*

поддерживал целиком борьбу английских горняков, не заслуживал бы ни капли доверия рабочего класса».

Несмотря на корявый текст, с точки зрения сегодняшнего дня, он отображает стремление мастера палитры как можно более простым, доходящим до убожества способом донести до английского пролетария чувство солидарности с ним рабочих угольных копей СССР, которым самим нечего есть, но тем не менее из последних, скудных средств выделяющих гроши для бастующих братьев по классу.

Советские пропаганда и система шпионажа, нагнетая обстановку напряженности, провоцировали внутренние беспорядки во враждебных социализму капиталистических странах. Подобное, например, происходило с компартией США. СССР путем постоянного внешнего давления и натаскивания выпячивал и преувеличивал ее роль, которую она не могла играть в силу малочисленности и политической отсталости. Это вело к мнимому повышению ее значимости и создавало угрозу для внутренней стабильности страны. «Слава Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки!» – это не просто регулярный праздничный газетный лозунг, но и колоссальная материальная поддержка маленьких авантюристически настроенных групп фанатиков-единомышленников американских коммунистов, паразитирующих на уровне сект в обществе, не принимающем их идеологии и устремлений.

Мокрые дела сталинизма: от фальсификаций до криминала

Нам до всего есть дело! Задачей советской власти в сфере внешней политики была организация «пятых колонн» – будущих форпостов коммунистического влияния в создании новой геополитической карты переустройства с целью размывания капиталистического общества. Этого добивались посредством дезинформации, дипломатических интриг, провокаций и шпионажа, направленных на умыкание или добывание как политических, так и научно-технических секретов. Не случайно, что убийство Троцкого, как и раскрытие тайны создания атомной и водородной бомб, было организовано благодаря шпионской деятельности, через раскинувшуюся по всему Западному миру глубоко законспирированную агентурную сеть советских разведывательных служб.

Лучше всего по этому вопросу обратиться к работе В. Карпова⁸, бывшего разведчика, Героя Советского Союза, с 1986 г. являвшегося первым секретарем правления Союза писателей СССР, с 1984 по 1989 гг. – депутатом Верховного Совета СССР, а с 1989 г. – народным депутатом России, собравшего много материала об убийстве Троцкого, одной из важнейших операций советской контрразведки на чужой территории.

Но прежде, чем говорить об этом, следует немного приоткрыть завесу над личностью главного администратора пишущей братии СССР, приводя некоторые его опубликованные высказывания, характеризующие его внутренние переживания, богатство и благородство души. В одном из них Карпов пишет: *«Сталин, партийная официальная критика поддерживали писателей, писавших правду, даже если в их произведениях были трагические сюжеты, связанные с гибелью героев: „Разгром“ Фадеева, „Чапаев“ Фурманова, „Железный поток“ Серафимовича, позднее – „Молодая гвардия“ Фадеева, „Звезда“ Казакевича. Да, отдавалось особое почетное внимание талантливым произведениям с положительным героем. Что вызывает особую ярость критиков социализма? И с каких это пор нельзя пропагандировать добрые дела и поступки? Почему это осуждают? Называют лакировкой? Для ответа на эти вопросы придется выйти за чисто творческие рамки. Кто не хочет улучшения духовно-нравственных качеств советского человека? Кому это не нравится? Вот здесь показывает свое гнусное обличье госпожа грязная политика, а точнее – политическая оппозиция! А еще точнее – троцкистско-сионистское мурло. Кого они травят? Есенина, Маяковского, Шолохова, Булгакова и других великих русских писателей»*⁹.

Вот к такому патетическому финалу своих дотошно-сокровенных дум пришел один из наиболее тиражируемых хроникеров России. В очередной раз на голову сионистского мурла вываливаются шовинистические помои бездоказательной клеветы и прямого натаскивания на соответствующую реакцию.

Откуда он все это взял? Где нашел первоисточники? Неужели Карпов сошел с ума со всеми своими должностями? И кому советские писатели доверили возглавить руководство собой? Неужели он что-то прищемил, пробираясь на эти ответственные посты? Нет, Карпов не дает себя остановить. Задавая вопросы, он уже имеет в запасе готовые ответы. Кто критикует, кто организованно травит? Он привлекает для ответов так называемого «доброжелателя» Сталина литературоведа Е. Громова, заламывающего следующую цитату с поименным списком действующих лиц и исполнителей: *«В резком, с прямыми политическими обвинениями, нередко грубыми, а то и вульгарно-хамскими выпадами, планомерном осуждении трогательно объединились „неистовые ревнители“ всех мастей, левовцы, театральные критики из мейер-*

⁸ В. Карпов. Генералиссимус. 2006. Т. I. С. 346–363.

⁹ Там же. С. 258–259.

хольдовского круга, ведущие партийные литераторы, занимавшие ключевые позиции в печати и управленческих органах. Назовем лишь несколько имен: Авербах, Кирион, Пикель, Сокольников, Безыменский, Билль-Белоцерковский, Лелевич, Блюм, Шкловский, Алперс, Бачелис, Кольцов, Пельше, Луначарский»¹⁰. Все ясно, все названы пофамильно. Становится страшновато, или мы привыкаем к страху.

Но задача у Карпова гораздо шире – не просто запугать. Нужно наравне с жертвами сионистских мракобесов от критики показать и спасенного от их мучений. Дымовая завеса Карпова опускается в виде статистических выкладок, например, на Булгакова, согласно которой за десять лет о писателе было опубликовано только три похвальных отзыва, а 298 враждебно-ругательных, причем можно только догадываться, кто плодил эти злостные отзывы и рецензии. А тов. Сталин – спаситель – взял под защиту, – свидетельствует Карпов, – этого талантливого автора. Оказывается, Сталин неоднократно смотрел его пьесы во МХАТе «Дни Турбиных», а позднее «Бег». Великий друг писателей объяснял свои симпатии: «Булгаков здорово берет. Против шерсти берет. Это мне нравится». Он помог Булгакову устроиться на работу в Художественный театр, многократно говорил с ним, подбадривая по телефону, да так «заподбадривал», что писатель чуть от голода не преставился.

Будучи много лет без работы, Булгаков неоднократно обращался к родному правительству и лично к Сталину с просьбой выпустить его за рубеж. Однако на свои многократные обращения он не получал ответа, что доводило его порою до нервных срывов, отражаясь на здоровье. Предоставленное, наконец, Сталиным место во МХАТе было жалкой подачкой, чтобы не умереть с голоду, попыткой навязать и закабалить партийной программой и соответствующим репертуаром великого писателя. Но все это остается вне познаний Карпова – великого разведчика и хроникера закулисных интриг своего времени. И невдомек ему, что Сталин ставил своей целью организовать советскую литературу по принципу «большого колхоза», а для этого продемонстрировать добровольный характер этой «коллективизации». Здесь все было пущено в ход: и подкуп (в виде домов творчества, распределения тиражей, Сталинских премий «понятливым»), и всемирный авторитет писателя-гуманиста, и, конечно, привычное средство – запугивание и прямые репрессии¹¹. И спросить разъяснений нельзя, ввиду смерти вождя, оставив это на его совести, соразмерно заслугам.

Конечно, нельзя ни в коей мере отрицать успехи советской культуры в самых разных ее областях. Были, безусловно, и мировые шедевры, успехи в науке и технике, спорте. Но возникали они в процессе противостояния творцов цензорам, бюрократам и стукачам всех уровней. На память приходят роман Гроссмана «Жизнь и судьба», повести Дудинцева, произведения о Сталинграде В. Некрасова и т. д.

Еще Бенкендорф предложил Николаю I создать политическую полицию нового типа, контролирующую не только поступки, но и мысли и настроения. Бенкендорф заявил издателю А. Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и Вы не имеете права в объяснении со мной на них ссылаться или ими оправдываться». Заговоров и тайных обществ 3-е отделение не выявило. Впервые в России, да и, пожалуй, в мире, секретная полиция столь основательно занялась идеологией и творческой интеллигенцией. По словам историка Н. Эйдельмана, «когда Пушкин отклонился от правильного пути к добру, генерал писал ему вежливые письма, после которых не хотелось жить и дышать. Пушкин едва не проследил от радости, по его собственным словам, когда Николай I сказал, что сам будет его цензором».

Но вернемся к познаниям Карпова, связанным с убийством Троцкого: правдоподобную информацию об этом мокром деле, стоящем в череде подобных сталинских успехов, можно

¹⁰ Там же.

¹¹ М. Левин. Комментарии к книге Карпова В.В. «Генералиссимус».

было получить только благодаря связям из первых рук и от первых лиц. К этому событию, произошедшему на чужой территории, СССР официально не имел никакого отношения, да и по определению не должен был иметь, ибо в противном случае он бы выступал как инициатор вооруженного конфликта с последующим убийством лица, наделенного правительственной аккредитацией на жительство.

Карпов собрал много материалов по вопросу существования якобы реальной угрозы режиму, хотя легальное существование оппозиции не допускалось – ликвидировалось систематическими преследованиями и другими репрессивными мерами, прикрываясь навешиванием на них ярлыков «левых», «правых», «троцкистов» и других. Фабриковались дела и ликвидировались обреченные инакомыслящие путем расстрелов и показательных устрашающих акций, создававшихся на основании провокаций, оговоров и самооговоров, тем самым лишая оппозицию статуса оппозиции и превращая ее в банду заговорщиков и террористов. Поэтому ссылки на всякого рода публичные суды или, лучше сказать, судилища, переходящие в фарсы или в эстрадные феерии, с прокурором, буквально вытанцовывающим на публику обвиняемых и свидетелей, оговаривающих себя и всех, на кого указывали карающие органы, были сродни любительским инсценировкам. Любые общественные дискуссии или обсуждения находились под контролем и строго пресекались на корню, порождая множество возникающих один за другим новых процессов в назидание оставшимся в живых, внушая им страх за себя и близких.

Меня с детства интересовала судьба Троцкого. В нашей коммунальной квартире находилась угловая ничем не примечательная комнатка с постоянно доносившимся оттуда стуком пишущей машинки. Уже позднее я узнал, что владение такими машинками как средством множительной техники было строжайше запрещено. Но кто мог среди жильцов нашей коммуналки знать об этом запрете, да и в мыслях не было ни у кого закладывать эту бедную одинокую женщину, работавшую в адвокатской конторе машинисткой и бравшую домой на подработки для перепечатки корявые рукописи адвокатской братии. Вспоминается даже, что звали ее Елена Семеновна Азюкевич.

Во время эвакуации на Восток у нее потерялись в суматохе бомбежек мать и дочь, а еще раньше, перед самым началом войны, был арестован ее муж-художник, очень друживший с моим отцом. Звали его Борис Иванович, фамилии его не помню. Он обладал миниатюрным американским патефоном и огромным количеством пластинок, открывавших перед моим детским воображением мир скачущих всадников, непрерывно набрасывающих лассо на пытавшихся удрать с добычей грабителей-бандитов. Это были ритмы «Рио-Риты». Пластинки были тоже маленькие, умещавшиеся на ладони владельца этого чуда американской техники. Сам же Борис Иванович был высокого роста, широкоплечий, всегда улыбающийся добряк, у которого мы с братом легко располагались на одном колене. После войны, уже совсем седой и сутулый, он ненадолго появился у Елены Семеновны, но вскоре был вновь арестован и пропал навсегда.

Однажды, вскоре после исчезновения Бориса Ивановича, я увидел, как Елена Семеновна с огромным тюком через весь двор направлялась в сторону помойки в другой конец двора. Я быстро пересек ей путь и предложил свою помощь. Она согласилась. Так я оказался владельцем многих экземпляров запрещенного к тому времени журнала «Красная новь». Уже намного позже я узнал, что у этой одинокой женщины был брат – редактор этого довоенного журнала, довольно известный литератор Михаил Семенович Гус, иногда навещавшийся к своей скромно живущей сестре, привозя ей, очевидно, редактируемые им журналы.

Тогда же в школе стали очень часто на уроках истории СССР ссылаться на «Краткий курс истории партии большевиков», читая который, мне по какому-то непонятному чувству стали казаться симпатичными эти приверженцы различных оппозиций. Их бесстрашное поведение по отношению к воинствующему большинству взывало к чувствам терпимости и гуманизма как к побежденным, на фоне всеобщего ликования трудящихся масс, требующих от властей бескомпромиссных жестких мер по отношению к ним.

Возможно, это пришло от Сервантеса с наивным рыцарем из Ла-Манчи, книжка которого с упоением была поглощена мною в то время. Тогда же я случайно обратился к содержанию мешка моей соседки и с удивлением обнаружил, что мои чувства разделяют огромные массы людей, ибо практически во всех журналах, из номера в номер помещались материалы, связанные со ссылкой в Алма-Ату Троцкого-вождя и одного из создателей партии, верного последователя большевизма, соратника Ленина, – что подтверждалось многими публикациями.

В статьях описывались стихийно или организовано возникающие митинги и демонстрации солидарности в поддержку бывшего властителя дум, а теперь опального заговорщика и предателя, по всему пути его следования в ссылку. На вокзалах и станциях собирались массы сторонников Троцкого и, буквально рискуя жизнью, выражали свои чувства преданности ему и недовольство существующим режимом. Поэтому поэтапный демонтаж Сталиным Троцкого и его сторонников представляется примером вершины криминального цинизма идеологического противоборства, когда доминирующим инструментом поражения противника является его физическое уничтожение.

Знал ли обо всем этом Карпов? Конечно, знал, но ему не до этого. Ему интереснее донести до читателя подробности ликвидации Троцкого непосредственно от участника событий, рассказавшего ему всю правду об этой операции, известного советского разведчика П.А. Судоплатова, изложившего в своей книге «Разведка и Кремль» все детали подготовки и ликвидации Троцкого, пересказанные Карповым, представляя операцию как величайшее достижение Сталина, а в действительности его метод террора.

Карпов посетил Мексику, побывал в Койоакане, детально ознакомился с виллой Троцкого, рассмотрев все комнаты и сделав много фотоснимков. Главу о ликвидации Троцкого он включил в свое повествование не только для оживления книги детективным эпизодом, но и потому, что финал жизни Троцкого является своеобразным итогом многолетней борьбы за власть между ним и Сталиным.

Сталин оказался победителем в этой схватке, уничтожив практически всю старую ленинскую гвардию. О величине и доле этого «тончайшего слоя» свидетельствуют обнародованные на XIII съезде РКП(б) данные, согласно которым из 600 тыс. человек, состоявших в партии на 01.05.1924 г., вступивших в нее до 1905 г. было 0,6 %, вступивших в 1905–1916 годах – 2 %, вступивших в 1917 г. – менее 9 %. Именно эта часть партии занимала в начале 20-х годов практически все ключевые посты в руководстве партией и страной.

Сталин являлся организатором сложной, филигранно разработанной операции по уничтожению вождя троцкизма, поэтому нельзя умолчать об этом важном эпизоде из жизни полководца, звучащем из-под пера дотошного историка, словно ода «К радости» Бетховена, превращаясь мгновенно в панегирик на смерть очередного представителя сионистского мурла или, как теперь принято говорить, закулисной элиты.

Ликвидация Троцкого, по мнению Карпова, не была результатом мстительности или кровожадности Сталина, как это пытаются преподнести сегодня. Необходимость проведения этой акции вытекала якобы из политической ситуации, предполагающей активную деятельность Троцкого в случае войны.

Призрак Троцкого, вывезшего около 30 ящиков своих архивов и книг, что, по мнению Сталина, являлось политической близорукостью органов, проводивших операцию по депортации, представлял для последнего постоянную угрозу не только по интеллектуальному превосходству, но и в том, что Троцкий, создав свою политическую организацию – IV Интернационал, постоянно ставил Сталина на одну доску с Гитлером. Это было невыносимо. Вечный призрак мстил за поражение так больно, как не мог придумать сам Сталин. Нередко ему казалось, что их борьба, как будто бы закончившаяся в ночь на 10.02.1929 г., когда пароход под символическим названием «Ильич» незаметно покинул одесскую гавань с Троцким на борту, в действительности только начиналась.

Со своими статьями, бюллетенями, речами и интервью Троцкий, желая того или нет, провоцировал, создавал впечатление, что оппозиция растет, что число его единомышленников увеличивается, что «идет консолидация антисталинских сил». И хотя это не соответствовало действительности, но крайне подозрительный и мнительный Сталин очень многое из этих трескучих заявлений брал на веру, что, возможно, и сыграло трагическую роль, спровоцировав вождя на новые жертвы со стороны предполагаемой оппозиции.

Сталин исходил злобой, но ничего не мог поделать: ряд работ Троцкого уже своими названиями были направлены против него: «Сталинская школа фальсификаций», «Преступления Сталина», «Политические биографии Сталина». Последняя работа, которую Троцкому помешала закончить смерть, называлась красноречиво – «Сталин». Сочинения Троцкого издавались в десятках стран. Образ Сталина у мирового общественного мнения формировался не работами Фейхтвангера и Барбюса, а прежде всего Троцкого. Со страниц его книг, как пишет Волкогонов, «вставал мрачный азиатский деспот: коварный, жестокий, фанатичный, недалекий и мстительный». Изгнанник не жалел черной краски. Одна мысль Сталина о Троцком настраивала его на жестокую непримиримость, видя в любом троцкисте частицу врага, требуя беспощадности.

Находясь в Норвегии в 1936 г., Троцкий написал книгу «Преданная революция». В ней профессиональный революционер, которому ни одна страна не хотела давать визы, фактически обратился к коммунистам – своим бывшим соотечественникам – с призывом совершить государственный переворот, называемый им политической революцией, которую якобы должны и обязаны совершить его сторонники, участники бывших разгромленных оппозиций, бывшие меньшевики, эсеры, выходцы их других партий. В работе давался анализ не только прошлого, но и содержались долгосрочные прогнозы общественного развития в СССР, в том числе и мысль о том, что при нападении Германии на СССР Сталину едва ли удастся избежать поражения¹².

Высланный из СССР Троцкий некоторое время жил в Турции, Норвегии, Франции. После громких политических процессов 1937 г., выявивших якобы роль Троцкого как главного организатора всей подпольной антисоветской деятельности, вождь оппозиции, опасаясь возмездия Сталина, решил уехать подальше, в более безопасное место, и в 1937 г. поселился в Мексике, на окраине ее столицы – в Койоакане, приобретя там виллу и продолжив отсюда руководить политической борьбой, охватившей многие страны мира и привлекавшей в свои ряды все больше единомышленников.

В Европе деятельность троцкистов направлял его сын Лев, носивший по матери фамилию Седов, осуществляя антисоветскую пропаганду и, согласно Карпову, активно якобы сотрудничая с разведкой Германии. Безосновательные обвинения в интенсивной деятельности зарубежных троцкистов, поставляющих якобы своих советских коллег для вербовки гитлеровским Абверу и гестапо, требовали веских доказательств. Карповым приводится пример, заимствованный из стенограммы открытого судебного процесса 1938 г.¹³, являющийся эпизодом примитивной и одновременно злобной интриги, закрученной до уровня поселкового детектива, поводом для которого послужила обычная служебная поездка, втянувшая достаточное количество руководящих лиц советского государства, с тем чтобы квалифицировать ее антигосударственным заговором.

Действующим лицом эпизода является советский служащий Чернов, отъезжавший в командировку в Германию. Он сообщил об этом Рыкову, предложившему встретиться там с лидером II Интернационала Даном и передать ему поручение от имени правого центра. Чернов согласился выполнить поручение Рыкова, состоявшее в том, чтобы через Кибрика – товарища

¹² Д. Волкогонов. Триумф и трагедия. Книга 1. Часть 2. С. 171.

¹³ В. Карпов. Генералиссимус. Книга 1. С. 242.

по меньшевистской работе – передать Дану, что совместная работа должна быть направлена на поддержку II-го Интернационала общими акциями, добиваясь от буржуазных правительств усиления враждебного отношения к СССР и заручиться их поддержкой в случае захвата власти правыми. Рыков якобы заявил: *«Можете заверить Дана, что мы располагаем достаточными силами в стране для свержения существующей власти и захвата ее в свои руки»*. При этом подчеркивалось наличие таких сил среди высшего военного командования – обещанием по приходе к власти правых создать правительство с учетом требований II Интернационала и буржуазных правительств, пойдя на соглашение с ними по экономическим и территориальным вопросам.

Чернов, прибывший в Берлин, был намерен встретиться с Кибриком в ресторане «Фатерланд». Гособвинитель Вышинский в нетерпении переспрашивает, состоялась ли встреча? Чернов, ничего не упуская, успокаивает Вышинского, развивая фантазию следователей, предупреждая, что будет рассказывать обо всем подробно. Он информирует суд, что Кибрик устраивает ему встречу с Даном, которому передаются поручения Рыкова, после чего Дан уехал, а Чернов с Кибриком остались ужинать, сильно выпив. Затем Чернов должен был поехать на вокзал, а Кибрик, сославшись на занятость, не сопровождает, а сажает его в автобус для обратной поездки на вокзал. Вышинский спрашивает, заранее зная на него ответ: *«На вокзал попали?»*

Чернов начинает процесс самобичевания, теряя собственное достоинство, превращая себя в алкаша и изувера, ставшего жертвой отлова немецкой охраны, а по сути фарса, возникшего в воспаленном мозге следователей. Чернов отвечает, что на вокзал не попал, попав в полицейский участок в результате инцидента, произошедшего в автобусе, вследствие драки между ним и немцами, причем местные чиновники пытались завербовать Чернова, предъявив ему фотографии и содержание встреч с Даном. Осознав роль Дана и Кибрика как агентов немецкой разведки, Чернов соглашается работать на немцев.

Сообщая детали, высасывая из пальца подробности своей шпионской террористической работы, выполняемой по указанию из-за рубежа, Чернов не может, однако, вспомнить своей должности на прежней работе, что напоминает сюжет примитивного детектива.

А в канву интриги втягиваются новые лица, уже оговоренные заранее сценарием, состряпанным под пытками в темных подвалах Лубянки, и если кто-либо из участников процесса впадал в полузабытье, то его немедленно возвращали в горькую действительность наводящими вопросами сценаристов. Чернов доверительно сообщает суду, что при беседе с Рыковым присутствовал и арестованный Томский, оговаривающий своих товарищей, бывших еще на свободе, в частности Рыкова и Бухарина.

Обвиняемый Рыков мотивировал переход «правотроцкистского блока» к террору следующим образом: *«При нелегальном заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти, – принятие террора и „дворцового переворота“ давало, по мнению центра, какую-то перспективу»*.

Бухарин, в конце концов признавший на следствии, что на путь террора «правотроцкистский блок» стал еще в 1932 г., заявляет: *«В том же 1932 г. при встрече и разговоре с Пятаковым я узнал от него об его свидании с Л. Седовым и получении от него прямой директивы Троцкого перейти к террору против руководства партии и страны. Признаюсь, что, по существу, тогда мы и пошли на соглашение с террористами, а мой разговор с Пятаковым явился соглашением о координации наших с Троцким действий, направленных к насильственному свержению руководства партии и советской власти»*.

Спрашивается, необходимо ли было Бухарину до такой степени оговаривать себя, сообщая следствию такие мельчайшие подробности своих умозаключений, возникающих в его голове на уровне фантазий. Но они становятся основой для принятия соответствующих решений, создается схема или необходимый следователям механизм функционирования заговорщического блока, широко развернувшего, якобы согласно директивам Троцкого, организацию

подпольных групп и практическую подготовку к совершению террористических актов против руководства страны. Мнимый порочный узел заговора затягивается на воображаемом, теряющем свою подвижность кадье власти. Необходимо упредить заговорщиков и их вдохновителя, и веревка мести уже затягивается на другой шее – Троцкого.

Хроникер мокрых дел Карпов пишет: *«Учитывая активизацию троцкистов и их переход к террору, Сталин принял решение нанести удар и по зарубежной троцкистской организации, поручив Берии разработать план ликвидации Троцкого, подобрав исполнителей».*

Судоплатов, вспоминая о встрече со Сталиным и Берией, рассказывал, что Сталин был сосредоточен, слушая Берию, считавшего, что левое движение за рубежом находится в состоянии разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе, бросая серьезный вызов СССР, стремясь лишить его лидерства мирового коммунистического движения. Было предложено разгромить троцкистский центр за рубежом. Сталин заявил, что Троцкий является главной политической фигурой и, только покончив с ним, будет устранена угроза Коминтерну. Был определен и срок операции – один год до начала неминуемой войны, в случае которой, при живом Троцком, допускалась вероятность, что союзникам СССР будет трудно развернуть партизанскую войну, выполняя свой революционный долг.

Руководство операции поручалось Судоплатову, связанному с агентурой среди троцкистов в Западной Европе, созданной разведчиком Эйтингоном, для чего были задействованы две самостоятельные группы. Первая – «Конь», руководимая Д. А. Сикейросом, мексиканским художником, лично известным Сталину, ветераном гражданской войны в Испании, жившим в Мексике, организатором мексиканской компартии. Вторая – группа «Мать» под руководством К. Меркадер, жившей с сыном Рамоном в Париже, завербованными в 1938 г. советской разведкой. В сентябре Рамон с поддельным канадским паспортом на имя Ф. Джексона познакомился с Сильвией Агелоф, также жившей в Париже, и супругами Росмерами, дружившими с семьей Троцкого.

Эйтингон разработал вариант штурма виллы Троцкого в Койоакане, реализованный группой Сикейроса 24.05.1940 г. Ворвавшись в резиденцию Троцкого, изрешетив через закрытую дверь его кабинет автоматными очередями, группа, лишенная возможности вести прицельный огонь, позволила Троцкому, спрятавшемуся под стол, остаться живым. Сталин не был раздражен неудачным покушением, лишь подтвердив свое прежнее решение, считая, что ликвидация Троцкого положит конец троцкистскому движению и отпадет необходимость финансирования борьбы с ним.

Спустя 30 лет Меркадер в ресторане Дома литераторов Москвы вспоминал о приведении им смертного приговора в исполнение, когда он появился на вилле Троцкого, застав того читающим статью. Повернув голову, Троцкий избежал прямого удара ледорубом. Меркадер, остолбенев от крика Троцкого, растерялся и не смог воспользоваться ножом. В комнату вбежала жена Троцкого с охранниками, Меркадера сбили с ног, не дав ему возможности выстрелить. Троцкий умер на следующий день в больнице.

Меркадера власти арестовали как Ф. Джексона, канадского бизнесмена, не зная его подлинное имя в течение шести лет. Они установили его лишь после побега из Москвы на Запад одного из видных испанских коммунистов. Личность Меркадера была идентифицирована, когда было получено из архивов его досье и отпираться стало бессмысленно. Ф. Джексон признал, что является Р. Меркадером, но отказывался признать, что убил Троцкого по приказу советской разведки, ссылаясь лишь на личные мотивы.

Отсидев 20 лет, Рамон был принят председателем КГБ Шелепиным, вручившим ему Звезду Героя СССР. В середине 70-х годов Меркадер уехал из Москвы на Кубу, став советником у Кастро. Скончался он в 1978 г., тело его было тайно доставлено в Москву и похоронено на Кунцевском кладбище, где и покоится под именем Рамона Ивановича Лопеса.

Судоплатов, подводя итог, вспоминал: «...*Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к крайним методам для достижения своих целей, хотя в изгнании Троцкий представлял опасность не только для Сталина, но и для всего СССР. Эта конфронтация была войной на уничтожение...*». Что же стало с исполнителями операции Судоплатовым и Эйтингеном? Первый был осужден на 15 лет в 1953 г., отсидев полный срок; второй – арестован в 1951 г. за участие в сионистском заговоре и освобожден лишь после смерти Сталина. В августе 1953 г. его вновь арестовывают уже как члена «банды Берии» и приговаривают к 12 годам заключения. В 1964 г. он освобождается и работает старшим редактором в издательстве «Международная книга». Но это было значительно позже, а пока уничтожаются лучшие кадры ленинской гвардии, из которой каждый может посягнуть в силу своего авантюристского прошлого на жизнь вождя. И в инсценированной череде процессов необходимо больше признательных показаний для обоснования кровопролитий и нагнетания страха у потенциальных претендентов на власть.

Для чего вернемся в зал суда над ними в разгар расправ 1936–1938 гг. Вот дополнительные показания по поводу своих террористических концепций обвиняемого Рыкова: «*К тому времени мы уже стали на путь террора как одного из методов нашей борьбы с советской властью... Эта позиция вылилась в совершенно конкретную нашу и, в частности, мою деятельность по подготовке террористических актов против членов Политбюро, руководителей партии и правительства. В 1934 г. я уже дал задание следить за машинами руководства страны созданной мною террористической группе Артеменко*». Как видно, главной задачей группе Артеменко ставится определение стратегического маршрута передвижения автотранспорта вождей по дорогам столицы, практически известного каждому постовому милиционеру. После таких признаний месть Сталина не знает границ.

«Великий менеджер», как его теперь называют, Сталин не проявлял излишней щепетильности, организовывая массовые расстрелы своих сотоварищей по революционной борьбе. В своей статье Ф.Е. Шрадер¹⁴ описывает показательный процесс над так называемой оппозицией. Гособвинитель, прокурор А. Вышинский, обрушивается на бывших вождей и организаторов большевистской партии, героев подполья, гвардейцев партии со словами: «*Лжецы и клоуны, жалкие пигмеи, мопсы и тьявки... Не политиков, а банду убийц и криминальных преступников представляет эта компания...*».

После приведенных выше проклятий Вышинского Фейхтвангер заявляет, что «*члены суда, прокурор ни разу не повышали голоса, все вели себя в высшей степени корректно, отрицая, что прокурор (или судья) прерывал подсудимых, затыкал им рот, хамил, кричал, бесцеремонно лишал слова*». Но если обвиняемого называют тьявкой, то, конечно, пропадает желание противоречить и судье, и прокурору, и самому Всевышнему. Да и какой ты, к черту, гвардеец, к какой гвардии принадлежишь?

Среди шестнадцати обвиняемых – представители ленинской гвардии: Г. Зиновьев, в свое время председатель Коммунистического интернационала, и Л. Каменев, наследник Ленина в качестве председателя правительства СССР. Что же отвечает прокурору Зиновьев? Цитируем в подлиннике: «*Мой дефектный большевизм перешел в антибольшевизм, и через троцкизм я ощутился и проникся фашизмом*».

Чего здесь больше – идеологии или страха за жизнь свою и близких? Насколько идеология, посредством страха и давления, может оказывать влияние на человека? А может быть, в этом случае они взаимно дополняют друг друга, создавая тот один отчаянный процент надежды, упоминаемый Фейхтвангером, чья поездка в Москву в начале 1937 г. была не случайной. Он пустился в дорогу как человек, симпатизирующий режиму. Но тем не менее его удивляет и поражает огромное количество портретов и бюстов на всех углах и перекрестках, в подходящих и не подходящих местах. Научные доклады, ничего общего не имеющие с полити-

¹⁴ Ф.Е. Шрадер (F. E. Schrader). Московский процесс 1936. Нью-Йорк, 1995.

кой, пересыпаются славословиями в адрес Сталина, принимая безвкусные формы. Фейхтвангер при встрече со Сталиным лично говорит ему об этом. Сталин шуткой отвечает, что в настоящее время трудящиеся заняты более важными делами, чем заботой о вкусе. А здесь под рукой и объяснение происходящему. По утверждению писателя, преклонение перед вождем росло органично вместе с успехами экономического строительства, и народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование. Но должен ли народ кому-то выражать за все это благодарность? Конечно, должен, и он избирает не какой-то абстрактный коммунизм, а личность.

Это суждение Фейхтвангера так понравилось Сталину, что уже в 1937 г. книжка писателя молниеносно переведена и издана большим тиражом в Москве, являясь единственным изданием в СССР, увидевшим свет при Сталине, признавшим наличие культа личности, вождизма, давая им хоть какое-то обоснование. Все успехи страны являются результатом действий одного человека, которому народ должен выражать свою благодарность. Это мнение настолько улеглось в сознании масс, что осталось в нем на многие десятилетия, добравшись до наших дней. От мала до велика, все, кто занимал маломальский пост, должны были использовать цитаты вождя, прославляя его, льстя ему, причем все это должно подаваться без малейшей иронии, сопровождаясь и смешиваясь со страхом быть неправильно понятым или интерпретированным.

«На Мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками – Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калинин, Орджоникидзе, стоял Сталин в серой солдатской шинели. Спокойные его глаза смотрели в раздумье на сотни тысяч пролетариев, проходящих мимо ленинского саркофага уверенной поступью лобового отряда будущих победителей капиталистического мира... К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, шли волны уверенности, что там, на Мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции». Это строки, написанные в 1934 г., принадлежат К. Радеку, ставшему уже через пару лет очередной жертвой сталинского террора.

А вот как описывает в своих записках поэтапное низвержение со своих постов Зиновьева и Каменева, постепенно утрачивающих власть, но желающих найти себя в этом молохе человеческих жизней, К. Чуковский, еще в конце декабря обедавший у Каменевых и спустя полтора месяца уже подпавший под воздействие обновленной большевистской пропаганды:

«05.12.1934 г. Вечером позвонил к Каменевым, и они пригласили меня к себе поужинать. У них я застал Зиновьева, к-рый – как это ни странно – пишет статью... о Пушкине („Пушкин и декабристы“). Изумительна версатильность этих старых партийцев. Я помню то время, когда Зин. не удостоивал меня даже кивка головы, когда он был недостижимым мифом (у нас в Ленинграде), когда он был жирен, одутловат и физически противен. Теперь это сухопарый старик, очень бодрый, веселый, беспрестанно смеющийся очень искренним залихватным смехом.

Каменев рассказывал при нем о Парнохе, переводчице испанских поэтов, написавшего ему, Каменеву, письмо, что он считает его балканским жандармом и не желает иметь с ним ничего общего. В этот же день – рассказывает Лев Борисович – пришел „Литературный Ленинград“, где напечатано, что он, Каменев, узурпатор, деляга, деспот и проч... по поводу истории с „Библиотекой поэта“. Я встал на сторону тех, кто писали эту статью, т. к. Л. Б. напрасно обидел целую плеяду лит. работников, составивших для „Библ. поэта“ несколько ценнейших монографий. <...> А потом мы пошли по Арбату к гробу Кирова. На Театральной площади к Колонному залу очередь: человек тысяч сорок попарно. Каменев приуныл: что делать? Но, к моему удивлению, красноармейцы, составляющие цепь, узнали Каменева и пропустили нас, – нерешительно, как бы против воли. Но нам преградила дорогу другая цепь. Татьяна Ивановна¹⁵ кинулась к начальнику: „это Каменев“. Тот встрепенулся и даже пошел проводить

¹⁵ Татьяна Ивановна Глебова (1899–1937) – вторая жена Каменева (с 1928), была расстреляна.

нас к парадному ходу Колонного зала. Т.И.: „Что это, Лева, у тебя за скромность такая, сказал бы сам, что ты Каменев“. – „У меня не скромность, а гордость, потому что вдруг он мне скажет: никакого Каменева я знать не знаю“. В Колонный зал нас пропустили вне очереди. В нем даже лампочки электрич. обтянуты черным крепом. Толпа идет непрерывным потоком, и гэпузишники подгоняют ее: „скорее, скорее, не задерживайте движения!“ Промчавшись с такой быстротой мимо гроба, я, конечно, ничего не увидел. Каменев тоже. Мы остановились у лестницы, ведущей на хоры, и стали ждать, не разрешит ли комендант пройти мимо гроба еще раз, чтобы лучше его разглядеть. Коменданта долго искали, нигде не могли найти – процессия проходила мимо нас, и многие узнавали Каменева и не слишком почтительно указывали на него пальцами. Оказалось, Каменев добивался совсем не того, чтобы вновь посмотреть на убитого. Он хотел встать в почетном карауле...

18.01.1935 г. Очень волнует меня дело Зиновьева, Каменева и других. Вчера читал обвинительный акт. Оказывается, для этих людей литература была дымовая завеса, которой они прикрывали свои убогие политические цели. А я-то верил, что Каменев и вправду волнуется по поводу переводов Шекспира, озабочен юбилеем Пушкина, хлопочет о журнале Пушкинского Дома и что вся его жизнь у нас на ладони. Мне казалось, что он сам убедился, что в политике он ломаный грош, и вот искренне ушел в лит-ру – выполняя предназначения партии. Все знали, что в феврале он будет выбран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного Института литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами. По его словам, Зиновьев до такой степени вошел в л-ру, что даже стал детские сказки писать, и он даже показывал мне детскую сказку Зиновьева с картинками... очень неумелую, но трогательную. Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время как литератор он значительно вырос, его книжка о Чернышевском, редактра „Былого и дум“ стоят на довольно высоком уровне. Приятная его манера обращения с каждым писателем (на равной ноге) сделала то, что он расположил к себе: 1) всех литературоведов, гнездящихся в Пушкинском Доме; 2) всех переводчиков, гнездящихся в „Academia“ и проч., и проч., и проч. Понемногу он стал пользоваться в литер. среде некоторым моральным авторитетом – и все это, оказывается, было ширмой для него, как для политического авантюриста, пытающегося захватить культурные высоты в стране, дабы вернуть себе утраченный политический лик».

А Микоян! Верил ли он в 1937 г. собственным словам из доклада, посвященного 20-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД: «Учитесь у тов. Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у тов. Сталина!»¹⁶ В эти заклинания верило большинство. Кто не верил, все равно произносил их.

¹⁶ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. М., 1934. С. 28.

«Спокойно, Николай, спокойно. Разберемся»

По мнению Волкогонова, высланный из страны Троцкий не имел ни серьезной социальной базы, ни серьезной программы, а яркий антисталинизм не мог стать в то время привлекательной платформой для широкой международной общественности, ибо за его проявлениями была видна прежде всего личная ненависть к Сталину, личная обида за несбывшиеся амбициозные надежды, личная боль за утрату близких в России. Троцкий надеялся, что его откровенный антисталинизм найдет широкий отклик в компартиях. Но этого не произошло. В глазах коммунистов многих стран достижения СССР в развитии экономики, в области культуры и образования были связаны с именем Сталина. На Западе еще не знали о его характере, еще не начались громкие политические процессы в Москве, еще не была подобрана краска, способная запечатлеть подлинный портрет Сталина. Попытка Троцкого вызвать извне политическое давление на СССР, на Сталина, на его политику была заведомо обречена на провал. Еще меньше шансов было у Троцкого «поднять» его бывших сторонников в СССР непосредственно против Сталина.

Сталин обладал всеми характеристиками, свойственными интригану, человеконенавистнику и хищнику. Когда доведенному до отчаяния Бухарину удалось по вертушке дозвониться до Сталина, тот успокаивал: «Николай, не паникуй. Мы разберемся. Мы верим, что ты не враг. Но раз на тебя „показывают“ Сокольников, Астров, Куликов, другие двурешники, признавшиеся в своем вредительстве, надо спокойно разобраться. Успокойся». Бухарин срывается: «Как можно даже подумать, что я „пособник террористических групп“?» В ответ он слышит: «Спокойно, Николай, спокойно. Разберемся...» И Сталин вешал трубку.

Бухарин, чувствующий уже дыхание смерти, полный растерянности, пытается собрать последние силы для четкого изложения мыслей, пишет в письме Ворошилову о показаниях на суде Томского: «Бедняга Томский, он, может быть, и „запутался“, не знаю, не исключаю. Жил один. Быть может, если б я к нему ходил, он был бы не так мрачен и не запутался, сложное бытие человека. Но это – лирика. А здесь – политика, вещь малолиричная и в достаточной мере суровая».

Нет, он не винит и в свою очередь не оговаривает Томского, не отпирается, не перекладывает вину, он понимает и человечески жалеет его, сожалея о происшедшем. Он догадывается об обстоятельствах, побудивших Томского оклеветать себя и других. Письмо заканчивается словами: «Извини за сумбурное письмо. У меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет. Обнимаю, ибо чист. Бухарин. 01.09.1936 г.». Ни Томский, ни Бухарин ничего не смогли сделать против неотвратимого убийного приговора.

Когда начались процессы, Троцкий из Мексики постоянно давал понять, что судят его единомышленников, судят за идеи. Так, почти в каждом выпуске своего «Бюллетеня оппозиции» Троцкий все время печатал о Раковском, Крестинском, Розенгольце, показывая их «несовместимость» со Сталиным, подчеркивая свою солидарность с ними. Почти регулярно изгнанник публиковал протесты против преследований своих «сторонников». Вся эта защита Троцким «врагов народа» Сталину была на руку, давая ему дополнительные «аргументы» для применения физических средств воздействия на обвиняемых, признававших свою вину вследствие насилия.

В своем последнем слове Бухарин, в частности, сказал: «Я считаю себя и политически и юридически ответственным за вредительство. Хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Гражданин прокурор утверждает, что я, наравне с Рыковым, был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я не слышал до обвинительного заключения? Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и М. Пеш-

кова. Киров, по показаниям Ягоды, был убит по решению „правоцентристского блока“. Я об этом не знал. Голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением людей»¹⁷.

Может быть, в этом последнем предложении Бухарин, обращаясь к организаторам процесса, заявляет о том, что идеи и люди трансформировались во времени, но методы борьбы между людьми на уничтожение остались неизменными. И это находит свое отражение в заключительных словах обвиняемых, сломленных изуверами Лубянки.

Подсудимый Крестинский: «Мои преступления перед Родиной и революцией безмерны. Я приму как вполне заслуженный любой ваш суровый приговор».

Подсудимый Рыков: «Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, на моем примере убедились в неизбежности разоружения».

Подсудимый Бухарин: «Стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом»¹⁸.

Порой в соответствии со своим интеллектом и Рыков и Бухарин издевались над Вышинским. Да и сам Сталин не мог не чувствовать скрытую насмешку, предсмертную иронию над организаторами спектакля.

«*Вышинский*: Подсудимый Бухарин, факт или не факт, что группа ваших сообщников на Северном Кавказе была связана с белоэмигрантскими казацкими кругами за границей. Рыков говорит об этом, Слепков говорит об этом.

Бухарин: Если Рыков говорит об этом, я не имею основания не верить ему.

Вышинский: Вам, как заговорщику и руководителю, был известен такой факт?

Бухарин: С точки зрения математической вероятности, можно сказать, с очень большой вероятностью, что это факт.

Вышинский: Позвольте спросить еще раз Рыкова. Бухарину было известно об этом факте?

Рыков: Я лично считаю с математической вероятностью, что он должен был об этом знать».

Сталин ясно чувствовал глухой сарказм загнанных в угол людей.

Есть множество документов, свидетельствующих о чудовищной беспощадности Сталина, следы его кровавы, и он знал, что делает, и никакие ссылки ни на Ежова, ни на Берия не скрывают его вины. Вот некоторые из них:

«Тов. Сталину посылаю списки арестованных, подлежащих суду военной коллегии по первой категории. Ежов». Резолюция лаконична: «За расстрел всех 138 человек. Сталин, Молотов».

«Тов. Сталину. Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду. На 313, на 208, на 15 жен врагов народа, а военных работников 200 человек. Прошу санкцией осудить всех к расстрелу. 20.08.1938. Ежов». Резолюция как всегда однозначна «За. 20.08.1938. Сталин, Молотов».

Были и чудовищные рекорды. 12.12.1938 г. Сталин и Молотов санкционируют расстрел 3167 человек! Рассуждения некоторых, включая Эренбурга в 1962 г., о том, что Сталин не знал того, что творил Ежов, и не представлял масштабов репрессий, считая это делом провокаторов, пробравшихся в НКВД, весьма наивны. Сталин все знал, руководя расстрелами.

В организованном Сталиным процессе против командарма Тухачевского в том же 1937 г., спровоцированном немецкой разведкой, сам Тухачевский пишет по обстоятельствам дела записку Ежову, поспешая полностью признать свою вину, указывая хронологию своего задержания: арестован 22.05, прибыл в Москву 24.05, впервые допрошен 25.05, сразу же признается в наличии военно-троцкистского заговора и руководстве им. Почему он так торопится

¹⁷ Сталин. Том 11. С. 239–240, 241.

¹⁸ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3, д. 891. Л. 25–31.

сделать обличающее признание, одетый поверх элегантного костюма в арестантскую робу с лаптями на ногах? Этому же удивляется и следователь Тухачевского: «Я же его пальцем не тронул!»

В этом-то и состоит вся правда, что герой Революции, не желая допустить над собой физических и нравственных издевательств, привезенный из Куйбышева на Лубянку, потребовал сразу очной ставки с заговорщиками, сначала все отрицая, отвергая все обвинения как злостные выдумки. Даже получив в лицо признания и обличения других участников заговора, он тем не менее просил дополнительные показания на себя и лишь затем, осознав, что все уже соответствующим образом обработано следствием и дальнейшее упорство может привести к насильственным, известным ему, как военному, методам выколачивания показаний, капитулировал и начал работать со следствием в написании сценария собственного уничтожения с идеологической подоплекой вплоть до заговора с германским фашизмом. И в этом не было ничего нового.

Специфика осуществленного Сталиным антибольшевистского переворота, переросшего в превентивную гражданскую войну против всей плеяды большевиков – последователей Ленина, состояла в том, что он происходил под прикрытием непрерывных клятв в верности делу Ленина и Октябрьской революции. Тщательно скрывая – даже от своего ближайшего окружения – подлинные цели своей политики, морально опустошенный интриган маскировал их популистской, псевдомарксистской фразеологией и грубыми подтасовками цитат из ленинских трудов.

Сталин был напицкан цитатами, словно компьютер, и мастерски владел ими, отягчающе влияя на собеседника, меняя тему в нужном ему направлении или полностью уходя от нее, считая, что выстроенный из ленинских высказываний щит дает ему индульгенцию от любых нападков инакомыслящих. Зиновьев, обсуждая однажды коминтерновские дела со Сталиным, когда их отношения уже основательно испортились, в споре бросил ему, уже осознавая свою обреченность, но, очевидно, не понимая возможность расправы над собой. Будучи еще недавно друзьями – на «ты» друг с другом, он обращается к Сталину на «вы»:

– Для вас ленинская цитата – как охранная грамота вашей непогрешимости. А надо видеть ее суть!

– Разве плохо идея быть «охранной грамотой» социализма? – сразу парирует Сталин.

Свою единоличную власть в СССР Сталин обосновывал в глазах мировой общественности объективными историческими обстоятельствами, умело используя их и ловко на них паразитируя, считая главным из них капиталистическое окружение. Этим Сталин объяснял закрытость советского общества, ограничение информационного пространства, насаждение атмосферы безгласности и секретности. Поэтому население страны не представляло истинных размеров политических репрессий, и в сложившейся ситуации одни социальные группы не осознавали тяготы и бедствий других. Без сомнений, при наличии в 30-х годах системы зарубежных радиопередач, доносящих до советских людей идеи и разоблачения Троцкого, Сталину было бы значительно труднее осуществлять свои зловещие и дерзкие акции.

В обстановке тотальной дезинформации Сталину удавалось изображать оппозиционные ему силы заговорщиками, вынашивающими замыслы реставрации капиталистического строя. Официальная пропаганда все более отождествляла партийное единство с беспрекословным подчинением воле вождя, упорно обрабатывая массовое сознание в духе культа Сталина.

В сознание поколений много лет внушалась идея и глубокая вера в правильность любых его действий. Но мало кто задумывался, что этой вере недоставало знаний всей правды, осознаваемой только сегодня, когда практически все политические противники Сталина реабилитированы и мы смотрим совсем по-иному на внутрипартийную борьбу тех лет. Шла борьба за лидерство, за определение путей и методов строительства новой жизни. Некоторые ошибались, взгляды многих отличались от принятых партией, но они не были врагами социализма,

обличаемыми и уничтожаемыми Сталиным, – инакомыслие представлялось ему наихудшей разновидностью вражеской деятельности, обеспечивая вождю как бы единственное право на правду. Малейшее подозрение могло вырасти в обвинение с трагическим финалом. Волкогонов приводит следующий пример: 04.08.1938 г. Ворошилов направляет Сталину статью Кольцова с запиской: *«Тов. Сталину. Посылаю статью т. Кольцова, обещаемую уже давно. Прошу посмотреть и сказать, можно ли и нужно ли печатать. Мне статья не нравится. К. Ворошилов»*¹⁹.

Сталин резолюции на записке не оставил, однако отдал распоряжение внимательно «разобраться с Кольцовым», за которым уже следили. И этого было достаточно: дело кончилось трагедией известного журналиста и писателя. Кольцов, будучи редактором журнала «Огонек», установил традицию один из дней проводить со знатными, известными личностями. Проведя такой день с Троцким, он положил начало своего конца. Над ним сгущались тучи, и он решил, пытаясь выяснить отношения, зайти в Орготдел ЦК, дверь которого была закрыта. И вдруг ее отворил Сталин. Поговорили, но участь Кольцова была решена.

Сталин был двуличен и злопамятен: Ю. Б. Борев, сын известного юриста Б. С. Борева, о котором речь пойдет дальше, в своей книге «Сталиниада» пишет, что художник Сарьян вспоминал, как, принимая в Москве армянскую делегацию, Сталин, спрашивая о поэте Чаренце, заверял, что его не нужно трогать, а через несколько месяцев Чаренц был арестован и убит.

Сталин ежедневно рассматривал 100–200 документов самого разного объема, от одной страницы до фолиантов. Иногда он расписывался, иногда просто писал «согласен». Именно формальная демократия привела к тому, что уже в 30-е годы партия стала главным инструментом сталинского единовластия. И когда на февральско-мартовском Пленуме 1937 г. Жданов в осторожной форме поставил вопрос о «нежелательности подмены» партийными органами хозяйственных решений, в заключение доклада «О подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР» Сталин жестко подчеркнул: «Нельзя политику отделять от хозяйственной деятельности. Партийным организациям нужно по-прежнему вплотную заниматься хозяйственными вопросами».

Придание указаниям Сталина значения однозначных повелений, рассчитанных на безоговорочное и единодушное одобрение широкими массами, основывалось на низком уровне их политической культуры и социального сознания народа, отягощенного многовековым наследием образовательного статуса, что и позволяло проводить различные идеологические манипуляции.

Одной из самых больших загадок сталинизма является сочетание brutality режима с жертвоприношениями миллионов жизней и невероятно чувствительного отношения к их внешним формам. Ритуал для режима был крайне важен. Это иллюстрирует исторический анекдот, связанный с персоной Берии. В 1953 году, как известно, его арестовали, сразу же после этого из всех экземпляров издающейся «Большой советской энциклопедии» была удалена страница, на которой помещалась статья о Берии. Причем эта страница была не просто вырвана, она была перепечатана так, чтобы не было никакого пробела. Все знали, кто такой Берия и что с ним произошло, но у режима были свои ритуалы, при исполнении которых он проявлял крайнюю щепетильность, полностью при этом игнорируя мнение народа в расчете на его безмолвие.

В недавно приобретенном мной, сейчас уже ставшем раритетом, сборнике иллюстраций художника К. Ф. Юона²⁰ на титульной странице значится: «Вступительная статья Н. И. Бухарина». Но, как бы ни искал читатель, он не найдет этой статьи в указанном сборнике – ее просто нет, она исчезла.

¹⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 2, д. 630.

²⁰ Я.В. Апушкина. Константин Федорович Юон. Москва: Всекохудожник, 1936.

Спустя 20 лет мы читаем в дневнике Чуковского о ситуации, связанной с именем Сталина после выступления Хрущева:

«06.03.1956. Всеволод Иванов утверждает, что все книги, где было имя Сталин, изъе­м­лются теперь из библиотек. Уничтожили миллионы календарей, напечатанных „Гимн“. Все стихотворные сборники Суркова, Симонова и т. д. будто бы уничтожаются беспощадно.

Большая советская энциклопедия приостановлена. Она дошла до буквы С. Следующий том был целиком посвящен Сталину, Ст. премиям, С-ской конституции, Сталину как корифею наук и т. д. На заседании редколлегии „Вопросы истории“ редактор сказал: „Вот письмо мерзавца Ст-на к товарищу Троцкому“.

Всеv. Иванов сообщил, что Фрунзе тоже убит Сталиным!!! Что фото, где Ст. изображен на одной скамье с Лениным, смонтировано жульнически. Крупская утверждает, что они никогда вместе не снимались».

Управляемая массовая истерия переходит от обожествления вождя к затмевающему разум проклятию его. Смесь трезвого и меткого наблюдательного взгляда с испуганными попытками объяснить необъяснимое и принять неприемлемое, запечатленная в записях 30-х годов, характерна для восприятия эпохи многими писателями той давней поры.

Стране не надо учиться врать ни у кого, кроме как у собственной истории. Мифы о Ползунове, Лодыгине и Попове проходят через все учебники отечественной истории, с самозабвением раздувая «национальное лидерство». Несмотря на обилие информационных потоков, страна безмятежно врет как самой себе, так и всей округе, создавая мифические приоритеты даже там, где не надо.

В СССР на протяжении 70 лет замалчивалось истинное происхождение основателя государства – Ленина, хотя его старшая сестра А. Ульянова еще в 1932 г. в письме Сталину упомянула, что ее дедушка по материнской линии был украинским евреем, перешедшим в христианство, чтобы получить доступ к получению высшего образования: «Он вышел из бедной еврейской семьи и был, если верить свидетельству о крещении, сыном Моисея Бланка, рожденного в западноукраинском городе Житомире. Владимир Ильич всегда был высокого мнения о евреях. Мне очень жаль, что обстоятельства нашего происхождения, предполагаемые мною давно, еще не были известны при его жизни». Ульянова просила Сталина сделать достоянием общества еврейское происхождение Ленина, чтобы остановить растущий антисемитизм.

То, что зомбированные многотысячные трудовые коллективы поддерживали установки и мнения ЦК, было заметно по «энтузиазму» масс, сгоняемых на митинги и выборы. Рабочие, колхозники и представители трудовой интеллигенции, поднимаясь на трибуны различных съездов и собраний, начинали свои выступления со слов, подобных этим: «Я книгу Пастернака не читал, но...», и далее следовал поток брани. Но все чаще возникал вопрос – верила ли высшая сталинская номенклатура и примкнувшая к ней часть общества в то, что делала, или была лицемерной? Словенский философ С. Жижек однозначно отвечает на вопрос о сталинской элите: «Мне кажется, они на самом деле верили, и это ужасно».

Эта вера сохранилась у многих и до сих пор, если всмотреться в кадры фильма «Сталин Live», где отец народов представлен эдаким грузинским красавцем, жгучим брюнетом, в состоянии постоянного раздумья, выпаливающим цитаты из Талмуда, Ветхого завета или Библии. Он выглядит почти пророком в окружении безликих зажавшихся «держиморд» с лицами на весь экран, словно в балагане скотного двора из романа Оруэлла. Здесь и не пахнет демократией, хотя именно о ней и ее принципах идет речь. Нам навязывают подмену понятий и стереотипов, в том числе и пронесенного через века гуманизма. Свобода в цитадели социализма под названием СССР была всегда, но не было возможности ею воспользоваться. Мы имели свободу выбора, но только в том случае, если он совпадал с тем, о котором, опять же, пеклись власти.

В условиях запретов, контроля, цензуры правда стала роскошью. Неосторожное слово, действие, поступок, фраза расценивались как покушение на монолитность советской власти.

Продолжаем разбираться

Неимоверно возросшие бедствия народных масс даже в самых передовых странах капитализма умножали число сторонников свержения капиталистической системы. Однако революционное движение, обладавшее могучим потенциалом, оказалось подорванным изнутри – политикой сталинизированного Коминтерна, подчинившего всю деятельность компартий государственным интересам СССР, уделяя борьбе с внутренним врагом намного больше внимания, чем антиимпериалистическому и антифашистскому противостоянию. Перманентные чистки компартий и отход от коммунистического движения многих тысяч людей, разочаровавшихся в «советском эксперименте», скомпрометированном сталинизмом, ослабили революционные силы как раз в тот исторический момент, когда возникли объективные возможности для их мощного подъема и консолидации во всем мире.

Поражение революционных сил в Европе – в Польше, Германии, Франции и Испании – во многом явилось результатом ошибочной политики Коминтерна, обусловленной страхом Сталина перед возможностью спонтанного возникновения социалистических революций в других странах. Победа таких революций в Европе могла перенести центр коммунистического движения из СССР в более развитые страны, вызвать подъем антисталинских коммунистических и социалистических сил, произошедший, например, в гражданской войне в Испании, и в конечном счете вырвать из рук Сталина господство над зарубежными компартиями, обязанными соответствовать только его геополитическим расчетам, находясь под его властью. Вторая мировая война стала не только следствием жестоких межимпериалистических противоречий, но и расплатой за предательство сталинизмом международной социалистической революции. Поражение фашизма в этой войне было достигнуто, по словам А. Жида, «благодаря антинацистскому тоталитаризму», явившегося после войны, по признанию П. Тольятти, «подобием смирительной рубашки, не позволившей коммунистическому движению в момент окончания войны, завоевав множество новых позиций, продемонстрировать всю свою силу...».

Проблемы, возникшие при сталинском режиме, не являлись характерными только для него. Они были присущи и другим политическим структурам, но история знает только одну аналогию исторического пути России 30—40-х гг. прошлого столетия, а именно довоенную и послевоенную Германию. При сталинском или нацистском режимах действовал симбиоз паранойи личности, стоящей во главе власти, и безукоризненной лояльности и поддержки существующего режима единомышленниками с человеческими чертами, постепенно вытесняемыми необузданным стремлением выжить, солидарностью в борьбе против любого нарушения status quo.

Например, в дневниках Геббельса – только верноподданничество и почти интимное и низкопробное холуйство перед фюрером и его идеями и одновременно уличная фамильярность, переходящая в дремучую животную ненависть к Герингу как перерожденцу, опошлившему учение Гитлера в конце авантюры. Одновременно можно увидеть в этом «нечеловеке» и сентиментальные элементы по отношению к семье, считавшем, что все личное – досадно и второстепенно и мешает основной цели его существования – борьбе. В СССР, как и при нацизме, власти взялись и попытались изменить сущность человека, что оказалось несостоятельным. Под сомнение встали не только сами идеи, но и политические системы, породившие их, вместе с господствующими в них патриотизмом и национализмом.

Еще Б. Паскаль сказал, что человек – это куча грязи. Но уже Кант знал, что, осознав это, человек тем самым возвышает себя над животным. Коммунистическая и нацистская пропаганды не могли с кем-либо, например, с церковью, делить монопольное влияние на формирование человеческой личности. Известно об эквивалентном отношении коммунизма и фашизма к религии. Однако процесс душевной перлюстрации, начиная с Нюрнбергского процесса на

внешнем уровне с глубоким и далеко идущим добровольным и принудительным очищением от нацизма, не мог привести к тому, чтобы под своды немецких храмов к молитвам стекались эсэсовцы вместе с их жертвами.

Но именно такое нравственное приобщение к религии палачей и их жертв произошло в России. Как первые, так и последние произносили одни и те же слова молитвы, обращенные к Богу. Трудно искать смысл, непрерывно вкладываемый в общие песнопения, ибо остается все то же лицемерие коммунистических постулатов, уставов и программ, запросивших передышку, а может быть, и без нее, в поиске новых врагов на образах идеологической мифологии в ожидании новой революционной ситуации.

В своем обращении к народу на Рождественских чтениях почивший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II говорил о «попечении всего, что затрагивает душу человека». К сожалению, эта забота обо всем и, самое главное, обо всех не получается. Защищая высокую культуру и нравственность, власть обращается прежде всего к обеспеченным россиянам. Бедные слои населения выпадают из поля зрения властных структур, отвечающих за «культпросветработу».

Медведев, будучи первым вице-премьером, заявлял: «Гражданское общество эффективно только в том случае, если оно состоит из зрелых и подготовленных к демократии личностей». Оценивать количество таковых он не стал, выразив надежду, что их станет больше, надеясь на нацпроекты с прицельно выбранными сферами, оказывающими влияние на человека, на его развитие как личности. До того на протяжении последних десятилетий никаких серьезных разговоров о развитии личности в России было невозможно вести – «мы были к этому не готовы, денег не было, сумбур был в головах».

Итак, для того, чтобы запустить процесс формирования новой личности, поддерживающей процесс демократизации общества, нужны деньги, обеспечивающие понимание и истолкование самих понятий демократии и сопровождающих ее морали и этики именно так, как хотят власть имущие. И для этого с целью наведения мостов между государством и обществом преимущественно для расширения культурно-социального самосознания запускаются так называемые национальные проекты, ибо просто на все социальные нужды не хватает средств, а почти вся «социалка», культура, образование, медицина в стране – в катастрофическом положении. И выбирается несколько направлений с выделением на них средств, подверженных контролю, чтобы абсолютно все не разворовали, гордо называя эти несколько направлений «нацпроектами».

С целью возрождения культурных ценностей руководство более двадцати лет исправно посещает коровники и больницы, свинофермы и школы. На очереди бани, общественные туалеты и другие разного рода богоугодные заведения. Но многие обозреватели и аналитики называют эти нацпроекты очередным очковитирательством, ибо финансовые потребности страны по ним во много раз выше предусмотренных. Однако и их достаточно, чтобы фирмы-однодневки, присосавшись к этим финансовым потокам, растащили и эти скудные средства. И посему не случайно в эти проекты верит только 40–50 % населения страны.

Обозреватель «АиФ» В. Костиков говорит: «Народу выделяется особая культурная и нравственная резервация: с рекламной пивоводочной культурой, дешевой телепопой, с псевдоголосами и пошлым весельем. Внешне вроде бы все благополучно. Капиталистическая Москва напоминает постоянно действующий фестиваль, непрерывную демонстрацию „культурного мэйнстрима“. В Россию с удовольствием приезжают действительно великие музыканты и исполнители современного мира, которых раньше из-за наличия „железного занавеса“ можно было услышать только на „Би-Би-Си“ („ВВС“) или по „Голосу Америки“. Столица все больше превращается в торгово-развлекательный центр для богатых. А что перепадает с барского стола народу? Лишь жалкие крохи. Денег не хватает даже на скромный культурный поиск. Некогда общедоступная книга становится дорогим „деликатесом“. Даже на разреклами-

рованный „народный“ каток на Красной площади билеты продают по 500 руб.». Далее обозреватель восклицает: «Что, если так дальше пойдет? Единственной народной забавой останется сходить бесплатно в Мавзолей на дедушку Ленина». Еще доступны музеи и цирк. Но билеты в кино уже «кусаются». Семейный поход в кино обходится в 1200–1500 руб., хотя воспоминания еще свежи, когда билет в кино стоил от 20 копеек, а «докторская» колбаса – 2,8 руб., а водка – 2,87 руб. Все труднее позволить себе билет в театр. За последние годы цены на билеты возросли в десятки раз.

Лозунг социализма «Искусство принадлежит народу», несмотря на существовавшую тогда цензуру и скабрёзную народность, давал свои плоды и приносил преимущества всем слоям общества в равной мере. Была своеобразная уравниловка, подтверждаемая даже всеобщим любимцем Лещенко, вспоминающим, что в ушедшем в предания советском строе он не видел на столе Брежнева черной икры, как у современных олигархов, а лишь сосиски с капустой. А сейчас звезды российской эстрады, выступающие на ресторанных юбилеях и корпоративных вечеринках «высших мира сего», запрашивают гонорары до \$50—100 тыс. за вечер. Кто посещает такие мероприятия?

Возможности воспользоваться конституционным правом на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры и доступ к культурным ценностям тают на глазах. Трудно представить, что, по мнению Грефа, Россия догонит Францию по комплексу социальных услуг через 20–25 лет, но, несмотря на долгий путь, все чаще и тревожнее звучат темы той же нравственности и культуры. Принимая искаженность, асимметричность по отношению к различным слоям общества, страна долгое время шла на установление мировых рекордов по числу казино и «одноруких бандитов», кичась своим богатством, имея в виду нефтегазовые запасы и стабилизационный фонд, особенно в пересчете на рублевый и золотой эквиваленты. Как хочется быть похожими на Запад. Вдоль улиц выстроились отели, рестораны, бутики, бары, вместо прежних гостиниц, булочных, закусовых, магазинов готового платья и т. п.

Мне вспоминается мой приезд в Москву в середине 90-х годов. В аэропорту Шереметьево транзитные туалеты по щиколотку полны мочой. А в зале выдачи багажа пассажиров приветствовал робот голосом Ф. Синатры, напевающего «Нью-Йорк, Нью-Йорк» – на московской земле!

А перед глазами еще свежи воспоминания очевидцев неглубокой старины, связанные с раскулачиванием, когда банды завистливых «красных» люмпенов грабили всех «зажиточных» с хозяйством в одну лошадь или корову. Уносили все, включая кухонную утварь и одежду, срывая с плеч, обрекая на голодную смерть всех, кто мог и любил хорошо трудиться. А ведь Россия тогда состояла в основном из крестьян, и пострадало в большей или меньшей степени почти все нормальное население!

Не говоря о заводах, дворцах, пароходах – в части только культурных достояний народ лишился более 30 000 творческих коллективов – театральных, хоровых, танцевальных, работавших под крылом профсоюзов, хотя можно было долго брюзжать относительно их балалаечного уровня²¹.

Но именно здесь, в этом резервуаре ковался огромный ресурс и потенциал юных дарований, спешивших заменить стареющих исполнителей, представляющих целые школы и династии. Это был шанс, даваемый советской властью всем слоям общества, – прикоснуться к великой культуре страны и стать равноправными участниками ее создания. Это был неиссякаемый поток молодежи, направляемый в российскую интеллигенцию, что сегодня практически невозможно. Сегодняшняя культура в России перестает выполнять важнейшую социальную и политическую функцию – объединять народ в единое целое или, по крайней мере, создавать иллюзию единства. Вместе с обществом, распадающимся на две несоприкасающиеся части –

²¹ Аргументы и факты. 2007. № 6. С. 8.

богатых и бедных, распадается и общекультурное пространство страны. Народ заталкивается в культурное гетто.

А ведь распад общества на аристократию и быдло – «низкое» сословие – чреват семенами классово-сословной ненависти и элементами социальной нестабильности. Вымывание культуры из народных пластов и замена ее вставками «а-ля Петросян» или эстрадно-танцевальными зрелищами типа «Аншлага» ведет не только к отрицанию демократических ценностей и заменой их на дешевые острооты и провинциальные анекдоты, но и к опошлению нравственных стандартов бытового поведения. Социологи бьют тревогу. Сегодня только 25 % населения признают демократию полезной для общества.

Вытеснение и выталкивание широких масс народа из приобщения к высоким культурным ценностям, лишение их способностей выделять действительные завоевания культуры и высокие нравственные традиции приводит к негативным последствиям: растут агрессия, алкоголизм, наркомания, насилие, национальная нетерпимость. Культурный вакуум заполняет идеология дремучести, против которой выступал еще Ф. Достоевский: «Раз нет Бога, все дозволено».

Не дай бог получить «культурную революцию» китайского образца. Да и у самого государства и его экономических устоев изменилось отношение к компонентам культуры и ее основам: образованию и квалификации, не являющимися больше гарантиями успеха.

За четверть века, прошедшего со дня потери власти коммунистической партией с ее более чем 70-летним гнетом и одурманиванием населения, только 10 % считают, что Октябрьская революция была благом для России, СССР и всего прогрессивного человечества, включая и негров преклонных и менее преклонных годов, проживающих уже в изобилии на всех континентах планеты, в том числе и на лесных и степных просторах России.

38 % видят в ней неоправданные потрясения и жертвы, а 42 % воспринимают революцию как историческую катастрофу, спровоцированную тяжелым положением народных масс тогдашней России. И хотя все яснее, что никакого особого предназначения для страны не существует, по-прежнему хочется верить в свою исключительность, свой особый путь.

Законы демократии отработаны всем развитием свободного общества. Их нельзя приспособлять под себя, выбирая из них то, что подходит под сиюминутность момента. Демократия должна восприниматься обществом во всем многообразии своих законов, действующих согласно уже многократно проверенным историческим коллизиям.

Потуги выставить демократию и ее носителей для себя в качестве примера, непрерывно зловредно огрызаясь, стараясь увидеть, найти в ней нечто неприсущее, неспецифическое для нее, являются тщетными и вредными. Выставить ее в постоянном и непреходящем образе врага, инспирируя свою собственную демократию, заменяя ее постоянной игрой в слова, понятия и образы, далеко от нее стоящие и ничего общего с ней не имеющие, становились постоянным уделом привилегированных верхов. Рассталась ли страна со своим прошлым или только отгородилась от него временно идеологическими перелевами, игрою слов, игрой улыбок? Лозунги искажаются и деформируются в зависимости от того, кто их насаждает и реализует, ведя к диктатурам Ленина и Гитлера.

Мало того, несмотря на то, что прошло более четверти века со дня гибели этого до зубов вооруженного монстра – СССР, представляющего огромную угрозу для мирового сообщества, 56 % россиян считают, что противостояние между белыми и красными закончилось. Тем не менее почти 25 % населения России верит, что борьба продолжается, и среди них 34 % сторонников компартии России. Приходят на память слова аналитика общественного мнения Ю. Левады: «Спасать Россию надо от собственного прошлого»²².

²² В. Костиков. В постели с тов. Лениным // Аргументы и факты. 2007. № 4.

Для людей со слабым социальным и политическим самосознанием психологически легче принимать на веру упрощенные догмы и мифы, преподносимые непогрешимым вождем, чем разбираться в сложном спектре аргументов и доказательств оппозиционных сил. Торжество бюрократического абсолютизма стало трагедией не только большевизма и советского народа, но и всего мирового коммунистического движения – самого массового политического движения в истории человечества.

Широко используя, например, концепцию заговоров с идеологическим противником, представляя оппозиционные структуры как врагов существующих общественных формаций, применяя к ним средства диктата и насилия, представители национал-социалистического расового подхода к личности, например в Германии, смогли даже повернуть ход истории и вернуть ее к разнузданному средневековому варианту геноцида и поголовного истребления «неполноценных» и неизлечимо больных, в том числе и пациентов психиатрических лечебниц, а также сексуальных и религиозных меньшинств, евреев и цыган.

А в СССР коммунистическая идеология довела верность утопической идее равенства и братства абстрактного будущего до обычных доносов и предательств. Пример Павлика Морозова, еще в пионерском возрасте посланного на расстрел собственного отца, являлся хрестоматийным примером подражания для многомиллионной армии советской детворы, распевавшей над бескрайними просторами Советского Союза бодрую песенку композитора Блантера «Мы на планете самая веселая страна».

Конечно, всех можно простить, включая несовершеннолетнего Павлика. Но забыть нельзя, ни с точки зрения морали, ни с точки зрения истории. Да и процесс прощения не является чем-то само собой разумеющимся. Для его реализации необходимо наличие двух сторон: одной, пересмотревшей свое поведение, осознавшей тот масштаб зла и страданий, принесенных другой стороне, и попросившей прощения за все содеянное. Другая, потерпевшая сторона вправе реагировать на это по-разному. Простить безусловно или на условиях. Простить безусловно, оглядываясь на уровень ущерба и страданий, – было бы идиотизмом. А вот простить на условиях, не допускающих в будущем ни малейших шансов поползновений или попыток реставрации гнусных извращений режима, пусть даже с церковным покаянием, – все это и есть принципы любой демократии – управляемой или направляемой. Демократия – это достижение общества, это уровень его успехов, это ориентиры движения общества, его цели.

Современному российскому человеку больше не свойственны раболепие перед властью, исчезли искусственная активность и страх, но на смену плакатному «советскому человеку» ни новый человек, ни новое общество не пришли. А вместо страха появились апатия, пассивность и недоверие к власти, к политикам, к бизнесу. Если советскому человеку была свойственна наивная вера, что «сказку можно сделать былью», то для нынешнего поколения россиян характерен социальный пессимизм. Хуже всего то, что пессимизм затронул и молодежь, все больше замыкающуюся в частной жизни, не отставая в этом не только от молодежи США и Европы, но и афро-азиатских стран.

Молодежный романтизм 90-х годов, вера в политическое и духовное возрождение обернулись горьким разочарованием. Подтверждением нарастающей гражданской пассивности является отток активного населения из профсоюзов. Только за 2013–2016 гг. число членов ФНПР²³ уменьшилось более чем на 1,3 млн человек. Пожалуй, самое большое разочарование связано с судьбой среднего класса. Семена нового предпринимательского поколения всходят крайне медленно. Более того, то, что успело взойти, сознательно вытаптывается бюрократией. Налицо всероссийский застой. Подобное состояние, хорошо охарактеризованное еще Некрасовым в стихотворении «Рыцарь на час», Россия уже переживала более полутора столетий назад:

²³ Федерация независимых профсоюзов России.

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

В свое время И.А. Гончаров в романе «Обломов» также показал «общество в состоянии застоя, неподвижной и мертвой жизни», ставя перед собой задачу изобразить сквозь слабое мерцание сознания необходимость труда, настоящего, не рутинного, а живого дела в борьбе с всероссийским застоєм, через лень и апатию во всей ее широте и укорененности, как стихийную черту современного ему общества. И еще другое стихотворение И.С. Аксакова характеризует то время, так похожее на современную российскую действительность:

Пусть гибнет все, к чему сурово
Так долго дух готовлен был:
Трудилась мысль, дерзало слово
В запасе было много сил...
Слабейте, силы, вы не нужны!
Засни ты, дух! Давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Но долгоживущее российское правительство застыло именно потому, что оно связано по рукам и ногам апатией самого общества и его элиты, представители которой иногда пробиваются к телевизионным экранам, освистываемые зомбированной публикой и разделяющие друг друга «под орех». «Великая тайна современной России», – согласно Вл. Пастухову, – «состоит в том, что в ней никому не нужны перемены. У большинства появился синдром боязни врача, боязни узнать от него всю правду о болезни».

Однако застыть на линии перемирия своеобразной 38-й параллели XXI века обе из сторон не могут и не намерены. Власть посредством своих информационных пор непрерывно всасывает в себя атмосферу социального паралича. Отсутствие так называемой цели, попытки заменить ее своеобразным русским путем развития демократии, да и само постоянное деформирование понятия демократии, стремление подчинить ее сиюминутным потребностям власти ведет к расцвету клановой борьбы, жесткой и бескомпромиссной, когда все средства хороши, ничего общего с понятием демократии не имеющие.

В наше время, олицетворяющее новейший период застоя, неясно, на кого хочет опереться власть, проводя свою политику, ибо средний класс не стал двигателем экономики. Более того, численность его сокращается. Наполнение казны за счет притока нефтедолларов не сказалось на увеличении доходов среднего класса – его труд по-прежнему недооценен, но мы вновь бряцаем новым, неизведанным оружием, поглощающим огромные средства. Дальнейшее зависит уже не от среднего класса, а от масштабных инвестиций и структурных изменений экономики. И не случайно, хотя логично, неожиданным оказалось то, что 54 % среднего класса составляют государственные служащие. Тем самым представление о среднем классе как о людях из бизнеса, самодостаточных, финансово независимых от государства, в России стало несколько иным²⁴.

Власть ищет союзника в буржуа и хочет сделать его своей новой российской элитой, присовокупив сюда всякого рода «инженеров человеческих душ». В общем, жизнь «устаканилась». Застой переиздан малым тиражом, особых поражений, как и достижений, как будто нет.

²⁴ Кто ты, средний класс? // Аргументы недели. 01.02.2007.

Более 80 лет назад, в январе 1936 г., в статье, посвященной памяти Ленина, тогдашний любимец партии Н. Бухарин назвал русский народ «нацией Обломовых». Неужели такая оценка правомерна? Похоже, что да.

Истоки размывания большевизма

В широко известном советском кинофильме «Парень из нашего города» командир танковой школы спрашивает у водителя танка, не сумевшего преодолеть водную преграду на маневрах: «Так почему же танк провалился?» Участники преодоления распада СССР также вправе спросить у истории и у себя о причине этого распада.

Возвращаясь к многократно цитируемому выше Карпову, взгляды и выводы которого опровергаются множеством материалов, есть смысл упомянуть отдельные мысли из работы известного советского философа марксистского толка В. Роговина²⁵, показывающие, что на руле систематического шельмования и интриг, возникших в компартии еще в период становления советской власти, ведущих к возникновению деформаций и полному разрушению марксистско-ленинских идей строительства социализма, лежит руководящая рука Сталина, умело воздействовавшего на низменные черты человеческой натуры при помощи инструментов, состоящих из фальсификаций, подлогов, раздачи постов и привилегий, борьбы за власть. Сталин обладал способностями наделять и разлагать нужных ему людей привилегиями, свойственными капитализму, транспонируя их в социалистическое общество.

Ленин вместе с Троцким вел борьбу со Сталиным и его кликой по всем главным направлениям: против однопартийности и ущемления прав инакомыслящих, за сохранение фракций и группировок в рядах партии, против привилегий руководства партии и государства, против автономизации республик, входящих в СССР.

Эта борьба сводилась к непрерывному каскаду конфронтаций с интригами нарождающейся в стране бюрократии, насаждаемыми кадровой политикой Сталина. Конечно, трудно ассоциироваться с политикой Ленина и Троцкого, принимая их борьбу против сталинских интриг как единственно верное продолжение идей великих гуманистов прошлого. Можно с твердостью быть уверенным, что Сталин был идеологическим наследником Ленина, ненавидевшего интеллигенцию и крестьянство. Он жаждал власти и упивался ею. Ленин был сторонником террора. Чего стоили с его позволения и прямого указания проводимые Красным и Сталиным дореволюционные акции по экспроприации, его пароход с интеллигенцией, депортированной за границу, отнятие церковного имущества у духовенства. Но Ленину было свойственно и нечто человеческое. Он вязал корзиночки, собирал грибы, уважал Плеханова и любил Мартова.

Но, оглядываясь на ту жестокость, проявленную Лениным и Троцким (вспомним кронштадтский лед) в период гражданской войны в борьбе за власть и ее становление в России, следует помнить, что в данном случае речь шла не только о результатах их идеологических устремлений, но и об их непосредственной жизни и смерти. История последних лет подтвердила намерения обладателей власти: чтобы избежать уничтожения или гаагского трибунала, необходимо идти на самые жестокие меры борьбы за ее сохранение. Расстрел Ельциным Белого дома является характерным примером такой жестокости, которую следует так же отвергать, как и насильственную расправу Ленина и Троцкого с контрреволюционными силами, представляющими угрозу как существованию государства, так и их собственной жизни.

Здесь возникает вопрос о самом понятии контрреволюционных сил и контрреволюционной деятельности, используемом с успехом и Лениным, и Троцким, и Сталиным по своей идеологической широте в одинаковой мере. Например, известны нападки Троцкого на К.И. Чуковского, нашедшие свое отражение еще в статье, датированной февралем 1914 г. и впоследствии вошедшие в его книгу «Литература и революция» (М., 1923). Троцкий называет Чуковского «теоретически невменяемым», утверждая, что он «ведет в методологическом смысле чисто

²⁵ В. Роговин. Была ли альтернатива?

паразитическое существование». 01.10.1922 г. в «Правде» была напечатана статья Л. Троцкого «Внеоктябрьская литература», где он так характеризует книгу Чуковского о Блоке: «...этакая душевная опустошенность, болтология дешевая, дрянная, постыдная!» Что писал Троцкий о Чуковском в 1924 г., установить не удалось, но в архиве Чуковского сохранился сатирический отклик С. Маршака на это выступление Троцкого. В рукопись «Чукоккалы» на стр. 384 вклеен листок с типографски набранными стихами с записью рукой К. И.: «С. Маршак (для „Русского современника“), запрещено. Троцкий». Вот отрывок из стихотворения С. Маршака:

Расправившись с бело-зелеными,
Прогнав и забрав их в плен,
Критическими фельетонами
Занялся Наркомвоен.
Палит из Кремля Московского
На тысячи верст кругом.
Недавно Корнея Чуковского
Убило одним ядром.

К этим идеологическим нападкам следует отнести и статью Н.К. Крупской в «Правде» от 01.02.1928 г. «О „Крокодиле“ К. Чуковского», утверждающую, что эта сказка является «буржуазной мутью». Крупская резко осудила и работы К. Чуковского о Н.А. Некрасове, заявив, что «Чуковский ненавидит Некрасова», результатом чего явился полный запрет на издание всех детских книг Чуковского, поскольку Крупская тогда возглавляла комиссию по детской книге ГУСа²⁶. В напечатанном в «Правде» 14.03.1928 г. «Письме в редакцию» М. Горький возражал Крупской по поводу «Крокодила», утверждая, что помнит отзыв В.И. Ленина о некрассоведческих исследованиях Чуковского. По словам Горького, Ленин назвал работу Чуковского «хорошей и толковой». Письмо Горького приостановило начавшуюся травлю книг и статей Чуковского о Некрасове. Однако «борьба за сказку» продолжалась еще несколько лет.

Однопартийность никогда не рассматривалась в марксизме как необходимый фактор политического строя, возникшего после победы Октября. Но, согласно Роговину, вскоре после нее большевики оказались единственной легальной и правящей политической партией с навязанной ей враждебными политическими силами однопартийностью, не свойственной большевизму. Тем не менее большевики прилагали немалые усилия, чтобы и далее удерживать так называемые «советские» партии, т. е. партии, входившие до октября 1917 г. в Советы, в рамках советской легальности²⁷. Даже в годы гражданской войны эсеры, меньшевики и другие левые партии допускались в Советы в случае отказа от вооруженной борьбы против них.

Другой опасностью, грозившей поразить завоевания революции, было ограничение внутрипартийной демократии, вызванное тяжелыми условиями становления советской власти, хотя марксисты всегда считали закономерным наличие и развитие в рабочей партии борьбы внутрипартийных идейных течений и взглядов даже по самым острым политическим вопросам, что в дальнейшем было исковеркано Сталиным, считавшим, что борьба должна вестись на полное устранение инакомыслящего меньшинства.

Еще Энгельс, подчеркивая недопустимость ограничения дискуссий и применения санкций к оппозиционному меньшинству, в письме к Ф. Зорге писал: «Самая большая в империи партия не может существовать без проявления в ней в избытке всякого рода оттенков, избегая даже видимости диктатуры...»²⁸.

²⁶ ГУС – Государственный ученый совет.

²⁷ Э. Карр. История Советской России. Книга 1: Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. С. 146–152.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 373, 374.

Ленин многократно подчеркивал, что партийная дисциплина должна быть единой для всех ее членов, сочетаясь в единстве действий со свободой обсуждения и широкой критикой до принятия решения, подлежащего единому выполнению²⁹. Понимая, что партия власти особенно нуждается в единстве, Ленин направлял постоянные усилия на предотвращение внутрипартийных расколов и рассасывание фракций по мере решения споров и на смягчение и нейтрализацию личных и групповых конфликтов ее членов, особенно в рядах руководства.

На VIII съезде партии Зиновьев заявлял: «*Оппозиция – вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и созывается, чтобы каждая группа нашей партии сказала свое мнение*»³⁰. На IX партконференции была принята резолюция «Об очередных задачах партийного строительства» с предупреждением против применения партийных санкций по отношению к коммунистам, чьи взгляды отвергнуты внутрипартийной борьбой: «Какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы»³¹, не подпуская к власти новую «номенклатуру». Предполагалось принятым еще VIII съездом партии решением систематически откомандировывать к станку и плугу работников, застрявших на советской и партийной работе³².

Но провозглашенный X съездом новый политический курс последовательно не был реализован, чему существенной помехой стала принятая X съездом резолюция «О единстве партии», запрещающая фракции, что обосновывалось Лениным наличием чрезвычайной обстановки в стране на фоне кронштадтского мятежа, вспыхнувшего в дни съезда. Ленин прямо говорил, что эта резолюция, предусматривающая исключение пленумом ЦК кого-либо из его членов в случае допущения им фракционности, противоречит Уставу партии и принципу демократического централизма.

Другим решением съезда, ограничивающим права меньшинства, явилась резолюция, признающая несовместимость с пребыванием в партии пропаганды взглядов, противоречащих ее программе, не означая, однако, по мысли Ленина, конец спорам вокруг толкования программы и запрет на дальнейшие теоретические изыскания вокруг идей, ведущих к предложениям изменить программу.

Генеральная чистка партии, намеченная X съездом в качестве первой меры по ее оздоровлению, была проведена в 1921 г. В письме ЦК «Об очистке партии» указывалось, что она направлена против «плохих сановников», включая бывших рабочих, «успевших потерять все хорошие черты пролетариев и приобрести все плохие черты бюрократов»³³. В письме отмечалось, что в ходе чистки «ни в коем случае не допустимы репрессии по отношению к инакомыслящим внутри партии»³⁴.

Ленин подчеркивал, что большевистская партия – это «единственная правительственная партия в мире, заботящаяся не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от „примазавшихся“...»³⁵, считая партию еще незрелым политическим организмом, которому пока рано в целом, и даже в своей лучшей части, осуществлять функции единственной правящей партии, ибо «достаточно небольшой внутренней борьбы» в нем, чтобы авторитет его был «если не подорван, то во всяком случае ослаблен»³⁶.

Он считал, что причиной раскола партии может стать наличие чрезмерной концентрации власти в руках узкого круга партийных функционеров, что связано с риском возникнове-

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 64, 65.

³⁰ VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Протоколы. М., 1959. С. 325.

³¹ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 300.

³² Знамя. 1989. № 9. С. 21.

³³ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 440–442.

³⁴ Там же.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 224.

³⁶ Там же.

ния внутренних разногласий и расколов, достигая предельной остроты в рядах старой гвардии, физически истребленной в дальнейшем Сталиным. Действительно, политические решения уже с конца 20-х гг. осуществлялись не этим слоем партийной гвардии, а единоличной волей Сталина.

Разногласия между оппозицией и членами ЦК и Политбюро, начавшиеся при жизни вождя, приобретали невиданную остроту. Интересны сообщенные в 1989 г. ветераном немецкой компартии И. Штейнбергером факты, пересказанные ему в конце 30-х гг. старыми большевиками, находившимися с ним в сталинских тюрьмах. Например, Н.А. Скрыпник сообщил ему, что Сталин в 1921 г. старался внушить Ленину мысль о мнимой опасности, грозящей партии вследствие отсутствия ленинского большинства в ЦК, и лишь Сталин способен обеспечить Ленину твердое большинство. Подобное сообщил и В.И. Невский, считавший, что введение поста генсека и назначение Сталина объяснялось тем, что в ходе дискуссии он перехитрил Ленина, убедив его в существовании угрозы расщепления партии на фракции, о чем Невский сам высказывал Ленину свои сомнения, считая это сталинскими интригами. Но Ленин отвечал, что решения об ограничении дискуссий в партии временны и он внимательно наблюдает за деятельностью Секретариата, позднее сожалея об этом, стремясь исправить свою ошибку в «Завещании»³⁷.

Мой тесть Абрам Ефимович Эйзлер, обладатель тонкого политического чутья, вспоминая коллизии первого десятилетия советской власти, втолковывал мне, что непротivление Ленина назначению Сталина генсеком было вызвано непрекращающимися спорами внутри партии между соратниками, рассчитывая на железную дисциплину, введенную Сталиным, способную положить конец внутривнутрипартийным разногласиям, на устранение которых у Ленина уже не хватало сил. Сам Троцкий вспоминал, что после X съезда у Ленина некоторое время существовало опасение о создании Троцким своей фракции. *«Когда я это почувствовал, – говорил Троцкий, – я явился к нему специально, чтобы сказать, что ничего подобного нет. У нас был с ним длинный разговор, и мне кажется, что я его убедил, что никаких группировок и фракций я не создаю и что у меня этого и в мыслях нет»*³⁸.

С середины 1921 г. наблюдается все более доверительное сближение Ленина с Троцким. Ни в одном ленинском документе после X съезда не встречается хотя бы малейшее выражение недоверия, недружелюбия или отчужденности по отношению к Троцкому, наоборот, они постоянно дружественны и полны высоких оценок его деятельности.

Возникшие расхождения между Лениным и Троцким о роли Госплана были решены и в письме XII съезду, Ленин писал: *«Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее... Но при внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль... В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому...»*³⁹.

Но слухи о разногласиях Ленина с Троцким продолжали искусно раздуваться, муштроваться, и становилось все яснее, что дело идет о преднамеренной интриге, идущей из верхов партии. Горький в первом варианте очерка «В. И. Ленин» писал: «... Даже о тех, кто, по слухам, будто бы не пользовался его личными симпатиями, Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии. Удивленный его лестной оценкой одного из таких товарищей, я заметил, что для многих эта оценка показалась бы неожиданной. „Да, да – я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и, кажется, особенно много обо мне и Троцком“. Ударив рукой по столу, он сказал: „А вот указали бы другого человека, способного в год организовать почти

³⁷ См.: Вопросы истории. 1989. № 9. С. 175, 176.

³⁸ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 37.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 349, 350.

образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас все есть! И чудеса будут!“»⁴⁰

Этот текст сохранился в многочисленных изданиях воспоминаний Горького о Ленине вплоть до 1931 г., когда в очередном издании очерка «В. И. Ленин» появился текст, обратный по смыслу. Вышеприведенный абзац был изъят и заменен новым со словами, приписываемыми Ленину о Троцком: «А все-таки не наш! С нами, а – не наш», в чем был заложен еще и другой смысл, о нерусском происхождении Троцкого.

С 1921 г. Сталин интригует и против Ленина, не боясь даже острых конфликтов. Сохранилась запись М.И. Ульяновой, анализирующая отношения между Лениным и Сталиным в последние годы жизни Ильича, отмечающая, что еще до лета 1922 г. слышала о недовольстве Сталиным со стороны Ленина. «Мне рассказывали, – писала Ульянова, – что, узнав о болезни Мартова, В.И. просил Сталина послать ему денег. „Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря“, – заявил ему Сталин. В.И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Сталина»⁴¹.

Ульянова писала, что у Ленина были и другие поводы для недовольства Сталиным, ссылаясь на рассказ старого большевика Шкловского о письме к нему Ленина, подтверждающем, «что под Ленина, так сказать, подкапываются. Кто и как – это остается тайной»⁴².

В письме, написанном 04.06.1921 г. и впервые полностью опубликованном лишь в 1989 г., говорилось: «Вы вполне правы, что обвинять меня в „протекционизме“ в этом случае – верх дикости и гнусности. Повторяю, тут интрига сложная. *Используют*, что умерли Свердлов, Загорский и др. ... Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и *сугубое недоверие ко мне* в этом вопросе. Это мне крайне больно. Но это – факт... Я видел еще такие примеры в нашей партии теперь. „Новые“ пришли, стариков не знают. Рекомендуешь – не доверяют. Повторяешь рекомендацию – усугубляется недоверие, рождается *упорство*. „А мы не хотим“!!!»⁴³

Из письма ясно, что Ленину приходилось уже тогда сталкиваться с резким противодействием его предложениям и даже со «сложными интригами» против него, прежде всего в кадровых вопросах, находящихся в ведении Оргбюро ЦК, руководимого Сталиным, чему способствовали частые отключения Ленина по болезни в 1921–1922 гг. от участия в работе центральных органов партии и государства. В начале декабря 1921 г. Ленин по решению врачей уезжает в Горки, где в мае 1922 г. его поразил первый удар, отключив на два месяца от жизни. Троцкий, тоже болевший, об этом узнает лишь на третий день от посетившего его Бухарина. «„И вы в постели!“ – воскликнул он в ужасе. „А кто еще кроме меня?“ – спросил я. „С Ильичом плохо: удар – не ходит, не говорит. Врачи теряются в догадках“»⁴⁴. Для Сталина с его сторонниками каждый день отсутствия Ленина давал возможность осуществить подготовку и выработать приемы борьбы за власть. Очевидно, в это время и возникла идея «тройки» (Сталин – Зиновьев – Каменев) с целью противоборства не только с Троцким, но и с Лениным⁴⁵.

С июля, с момента своего начавшегося выздоровления, Ленин ощутил на себе стремление «тройки» отколоть Троцкого от руководства, получив соответствующее предложение Каменева. Ленин ответил крайне нервозно, увидев в этом предложении грязную интригу, направленную не только против Троцкого, но и против себя. «*Я думаю, преувеличения удастся избежать*, – гласила записка. – „*Выкидывает (ЦК) или готов выкинуть здоровую пушку за борт*“, – *Вы пишете. Разве это не безмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого –*

⁴⁰ Комсомольская правда. 1990. 21 января.

⁴¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 201.

⁴⁴ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 446–449.

⁴⁵ Там же.

ведь на это вы намекаете. Иначе нельзя толковать – верх нелепости. Если вы не считаете меня оглупевшим до безнадежности, то как вы можете это думать!!! Мальчики кровавые в глазах...»⁴⁶ Автор публикации В. Наумов считает, что она была написана еще в Горках, являясь интригой тройки в ответ на внесенное Лениным предложение в сентябре в Политбюро утвердить Троцкого первым зампредом Совнаркома, доверив ему высший государственный пост в случае затягивания своей болезни.

Троцкий сам отказался от этого предложения. Разъясняя мотивы отказа на октябрьском пленуме ЦК 1923 г., он ссылаясь на «один личный момент, не играющий никакой роли в моей личной жизни, так сказать, в быту, имеющий большое политическое значение. Это – мое еврейское происхождение»⁴⁷. Троцкий напоминал, что по этим мотивам он возражал уже 25.10.1917 г. против предложения Ленина назначить его наркомом внутренних дел, считая, что «нельзя давать такого козыря в руки нашим врагам... будет гораздо лучше, если в первом революционном советском правительстве не будет ни одного еврея»⁴⁸, ибо в противном случае контрреволюционные силы смогут играть на самых темных предрассудках масс, изображая Октябрьскую революцию «еврейской революцией».

Так же категорически Троцкий возражал с теми же аргументами и при назначении его на посты наркома иностранных дел и наркома по военным и морским делам. Оглядываясь назад, оценивая эту свою позицию, он говорил: «...После всей работы, проделанной мною в этой области, я с полной уверенностью могу сказать, что я был прав... быть может, я мог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Вспомните, как сильно мешало в острые моменты, во время наступлений Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной армии стоит еврей... Я никогда этого не забывал. Владимир Ильич считал это моим пунктиком и не раз так и говорил в беседах со мной и с другими товарищами как о моем пунктике. И в тот момент, когда он предложил мне быть единоличным зампредсовнаркома, я решительно отказывался из тех же соображений, чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей»⁴⁹.

С причиной отказа Троцкий, по-видимому, решил расстаться, когда Ленин в конце ноября – в начале декабря 1922 г. сообщил, что чувствует ограниченность сил, необходимых для руководящей работы, вновь предложив ему пост зампреда Совнаркома. Принципиальное согласие Троцкого на это предложение, вероятно, было обусловлено событиями, развернувшимися после избрания Сталина генсеком, произошедшего после XI съезда (март – апрель 1922 г.), в работе которого Ленин по состоянию здоровья принимал лишь эпизодическое участие, присутствовав лишь на четырех из двенадцати заседаний съезда. Троцкий вспоминал: «Когда на XI съезде... Зиновьев и его ближайшие друзья проводили кандидатуру Сталина в генсеки, с задней мыслью использовать его враждебное отношение ко мне, Ленин, в тесном кругу возражая против назначения Сталина генсеком, произнес свою знаменитую фразу: „Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда“... Своему предупреждению Ленин не хотел придавать преувеличенного значения: пока оставалось у власти старое Политбюро, генсек мог быть только подчиненной фигурой»⁵⁰.

И далее: «Ленин чувял, что, в связи с его болезнью, за его и за моей спиной плетутся пока еще почти неуловимые нити заговора. Но он готовился дать „тройке“ отпор и начал его давать по отдельным вопросам»⁵¹.

⁴⁶ Цит. по: Наумов В. 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 36.

⁴⁷ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 36.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Троцкий Л.Д. Сталин. М., 1990. Т. II. С. 189.

⁵¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 452.

Таким был вопрос о монополии внешней торговли, когда в ноябре 1922 г. в отсутствие Ленина и Троцкого ЦК единогласно принял решение ослабить ее. Узнав, что Троцкий не согласен с принятым решением, Ленин написал ему ряд писем, пять из которых были в СССР опубликованы только в 1965 г. Согласованные действия Ленина и Троцкого привели ЦК к последующей единогласной отмене своего решения. Удовлетворенный Ленин отправил письмо Троцкому: *«Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление...»*⁵².

В конце ноября 1922 г. Троцкий в разговоре с Лениным упомянул о росте партийного и государственного бюрократизма, их слиянии и взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг руководства. *«Да, бюрократизм у нас чудовищный, – подхватил Ленин, – я ужаснулся после возвращения к работе...»* Ленин поставил вопрос ребром: *«Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?»* Троцкий ответил: *«Пожалуй, выходит так».* *«Ну, что ж, – продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, – я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности»*⁵³.

Это проливает более ясный свет на последние восемь работ, продиктованных Лениным с 23.12.1922 г. по 02.03.1923 г. Первые три из них («Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях, или Об „автономизации“») были опубликованы в СССР только после XX съезда партии, имея чрезвычайно драматическую судьбу. Пять остальных статей Ленин сразу же после диктовки направил для опубликования в «Правде» в качестве материалов предсъездовской дискуссии, ставших достоянием советского читателя в 1923 г.

Интересна судьба, постигшая «Письмо к съезду» – работу, называвшуюся в партии «Завещанием» Ленина. С одной стороны, письмо развивало мысли об опасности разрушения единства в рядах старой партийной гвардии, а с другой – включало предложения о создании гарантий, направленных на предотвращение раскола партии и ее ЦК, предполагая снятие Сталина с поста генсека, нанося удар по бюрократизму – государственному и партийному, резко изменяя внутривнутрипартийный режим в сторону его демократизации. Негативная нравственная характеристика в письме давалась только Сталину, в отношении которого съезду была дана и единственная персональная рекомендация.

Логика рассуждений Ленина о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, представляющая «большую половину опасности раскола», вырисовывается в «Завещании» вполне отчетливо. Ленин отмечал чрезмерную самоуверенность и увлеченность Троцкого административной стороной дела, одновременно называя его «самым способным человеком в современном ЦК». Перечисляя многочисленные отрицательные качества Сталина, Ильич отмечал, что они способны приобрести «решающее значение» вследствие «сосредоточения в своих руках необъятной власти». Учитывая это, а также отношения между Сталиным и Троцким, Ленин предлагал съезду в целях предупреждения раскола ЦК и партии лишить Сталина поста генсека.

В тексте записей от 23–25.12.1923 г. Ленин ограничился лишь организационным предложением об увеличении членов ЦК до 50—100 человек для сдерживания центробежных тенденций и ослабления роли личных конфликтов в Политбюро. Но уже через десять дней он сделал добавление, полностью посвященное перемещению Сталина с поста генсека.

Опасаясь, по-видимому, что преждевременное ознакомление членов Политбюро с «Завещанием» может вызвать обострение внутренней борьбы в руководстве партией, Ленин в период диктовки этого документа категорически предупредил свое окружение о секретности, особом хранении и обращении с документом. Однако, согласно недавно опубликованным

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С 327, 328.

⁵³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 455.

документам и воспоминаниям секретарей Ленина, одна из них – М.А. Володичева, в день диктовки первой части письма, содержащей указания на опасность «конфликтов небольших частей ЦК» и намечающей первый набросок политической реформы, передала его Сталину, предложившему Володичевой сжечь его, не зная о существовании копий.

Спустя несколько дней Фотиева, также извещенная Ильичом о секретном характере письма, не скажет ему о поступке Володичевой, оставив его в уверенности, что письмо остается тайной. Только 29 декабря Фотиева сделала устное заявление Каменеву о разглашении первой части ленинского письма. Каменев попросил ее дать письменное объяснение. Из письма Фотиевой по этому вопросу и приписка на письме Троцкого и Сталина следует, что эта часть ленинского документа была знакома тогда Каменеву, Сталину, Троцкому, Бухарину и Орджоникидзе. Сталин и Троцкий подтвердили, что больше никому они об этом документе не рассказывали.

В переписке лидеров правящей фракции, относящейся к июлю – августу 1923 г., можно найти ответ, кому было известно «Письмо к съезду». В письме Каменеву от 23 июля Зиновьев, возмущенный единоличными решениями Сталина, писал, что «Ильич был тысячу раз прав»⁵⁴, относительно характеристики Ленина, данной Сталину в «Завещании». Очевидно, узнав об этом от Каменева, Сталин выразил недовольство ссылками «на неизвестное мне письмо Ильича о секретаре»⁵⁵. В ответ на это Зиновьев и Бухарин сообщили, что «существует письмо В.И., в котором он советует XII съезду не выбирать Вас секретарем». Далее в письме пояснялось, что Бухарин, Каменев и Зиновьев «решили пока Вам о нем не говорить. По понятной причине: Вы и так воспринимали разногласия с В.И. слишком субъективно, и мы не хотели Вас нервировать»⁵⁶.

Из сказанного следует два вывода. Первый: в июле 1923 г. по крайней мере трое – Зиновьев, Каменев и Бухарин – либо были знакомы с полным текстом «Письма к съезду», либо знали, вероятно от Крупской, о содержавшемся в нем совете снять Сталина с поста генсека. Второй: Сталину, во всяком случае, по сведениям, имевшимся у этих трех лиц, содержание «Письма к съезду» (за исключением первой записи от 23.12. 1922 г.) в июле – августе 1923 г. еще не было известно.

Позднее, в 1926 г., Зиновьев зачитал на пленуме приведенную выше цитату из письма, отправленного им совместно с Бухариным Сталину. Однако Сталин в письменном заявлении пленуму утверждал, что «никакого письма Бухарина и Зиновьева из Кисловодска от 10 августа 1923 г. я не получал, – мнимая цитата из мнимого письма есть вымысел, сплетня»⁵⁷, что является заведомой ложью Сталина, ибо само письмо хранится в архиве ЦК КПСС.

Огромное значение в борьбе с ограничением власти Сталина Ленин придавал и реорганизации ЦКК, объединив ее с Рабкрином. В 1925 г. Крупская в письме К. Цеткин подчеркивала, что в лице ЦКК Ленин намеревался создать лабораторию, разрабатывающую новые методы контроля со стороны масс, желая, «чтобы ЦКК состояла только из рабочих, взятых прямо с фабрик, обладающих сильным природным классовым инстинктом, и только из таких интеллигентов, которые продумали этот вопрос»⁵⁸.

Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин» на следующий день после ее завершения была направлена в редакцию «Правды» с просьбой Ленина о ее немедленной публикации, считая ее непосредственным обращением к партии. Главный редактор «Правды» Бухарин не решался печатать статью. Сталин поддержал его, предлагая обсудить статью в Политбюро. Тогда Круп-

⁵⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 198.

⁵⁵ Там же. С. 203, 205.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 192.

⁵⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 205.

ская обратилась к Троцкому с просьбой способствовать ее скорейшей публикации. На немедленно созванном по предложению Троцкого совместном заседании Политбюро и Оргбюро большинство присутствовавших вначале высказалось не только против предложенной Лениным реформы, но и против публикации статьи. Поскольку Ленин настойчиво требовал получения напечатанной статьи, Куйбышев даже предложил отпечатать ее для него в единственном экземпляре «Правды». Каково!

Троцкий доказывал, что предложенная Лениным радикальная реформа прогрессивна и даже при отрицательном отношении ее нельзя скрывать от партии. Победил аргумент, утверждавший, что Ленин все равно пустит статью в обращение, ее будут переписывать и читать с удвоенным вниманием.

В статье Ленин раскритиковал работу Наркомата Рабкрин, *«не пользующегося сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать»*⁵⁹. Во главе Рабкрин вплоть до середины 1922 г. стоял Сталин, и было понятно, против кого были направлены эти упреки. Ленин высказывал надежду, что обновленный Рабкрин *«оставит позади себя то качество, которое... до последней степени на руку всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной»*⁶⁰.

Между «Ленинским завещанием» и «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин продиктовал «Письмо по национальному вопросу», отражающее борьбу со Сталиным и его группировкой, возникшую в результате грузинского инцидента 15.09.1922 г., когда компартия Грузии высказалась против тезисов Сталина об образовании СССР, предусматривающих утерю автономизации и ограничение независимости республик, охарактеризованных Сталиным в письме к Ленину только «игрой».

Ленин, ознакомившись с письмом Сталина, сообщил Каменеву о ряде своих замечаний, кардинальным образом изменяющих сталинский проект, считая, что Сталин торопится. Сталин, не рискуя вступать в открытую борьбу против Ленина, пересмотрел проект, однако после октябрьского пленума ЦК конфликт между Сталиным и Орджоникидзе с одной стороны и руководством компартии Грузии с другой принял более жесткие формы, когда Орджоникидзе, оскорбив своих противников, в ответ услышал, как один из них назвал его «сталинским ишаком», за что Орджоникидзе ударил его. Мало того, Сталин и Орджоникидзе организовали снятие с поста секретаря ЦК компартии Грузии Окуджавы, вследствие чего весь состав ЦК Грузии уходит в отставку, считая невозможным работать при созданном Орджоникидзе держимордовском режиме. 24.11.1922 г. секретариат ЦК направляет в Грузию комиссию под председательством Дзержинского для урегулирования конфликта между соперниками. 25.11.1922 г. это решение утверждается Политбюро, причем Ленин воздерживается. Комиссия одобряет линию Орджоникидзе и считает необходимым отозвать из Грузии наиболее возмущенных противников, о чем 12.12.1922 г. Дзержинский докладывает Ленину, произведя на него, особенно рукоприкладством Орджоникидзе, тяжелое впечатление.

Придя к выводу о пристрастности комиссии Дзержинского, Ленин продиктовал обширное письмо «К вопросу о национальностях, или Об „автономизации“», предполагая заменить на съезде свою речь в случае болезни, впервые назвав своих противников не только в «грузинском деле», но и вообще в национальном вопросе по имени, охарактеризовав их позицию проявлением великодержавного шовинизма, подчеркнув «торопливость и администраторское увлечение Сталина...»⁶¹. Он считал, что *«политически-ответственными за всю эту... кам-*

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 393.

⁶⁰ Там же. С. 397.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357–361.

панию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского», предлагая «примерно наказать тов. Орджоникидзе»⁶².

Готовясь к XII съезду, Ленин вновь возвращается к грузинскому инциденту, дав поручение повторно изучить материалы комиссии Дзержинского, создав новую комиссию, сразу столкнувшуюся с аппаратными интригами: пропадает письмо главного оппонента Орджоникидзе Кобахидзе. Но существует «объективное изложение» инцидента Рыковым, считающим правым Орджоникидзе. 03.03.1923 г. к Ленину поступает письмо от этой новой комиссии с кратким изложением конфликта в грузинской компартии. Осознавая, что у него не хватит сил для участия в XII съезде, Ленин считает свою статью «К вопросу о национальностях, или Об „автономизации“» актуальной, однако публикацию ее следовало бы отсрочить. Он пишет две записки Троцкому, в одной просит взять на себя защиту в ЦК грузинского дела⁶³, находящегося под «преследованием» Сталина и Дзержинского, лишенных доверия. Вторая записка, сообщающая о поездке Каменева в Грузию, содержала просьбу Ленина узнать, не желает ли Троцкий послать туда что-либо от себя⁶⁴. Получив сообщение ленинских секретарей, Троцкий попросил Фотиеву узнать у Ленина, может ли он познакомить с ленинскими записками Каменева, чтобы побудить его действовать там в ленинском духе.

На что последовал ответ: *«Ни в коем случае. Каменев сейчас же все покажет Сталину, а Сталин заключит гнилой компромисс и обманет. Ильич не верит Сталину, он хочет открыто выступить против него перед всей партией. Он готовит бомбу»*⁶⁵. Ленин через час обращается с письмом непосредственно к главным противникам Сталина Мдивани и Махарадзе, выражая свое возмущение грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского⁶⁶. Поскольку записка в копии была адресована не только Троцкому, но и Каменеву, Троцкий спросил, чем объясняется это новое решение Ленина, получив ответ от Фотиевой, что состояние Ильича ухудшается с часа на час, но грузинский вопрос продолжает его очень волновать и он боится, что свалится, совсем не успев ничего предпринять, а про записку добавил: чтобы не опоздать, приходится прежде времени выступать открыто⁶⁷.

В тот же день Троцкий ознакомил Каменева с ленинской корреспонденцией. Уже 6 марта Троцкий послал Сталину замечания к его тезисам «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» с предложением сказать о наличии в партии великодержавного уклона и уклона со стороны «националов». Троцкий также предложил убрать из тезисов Сталина утверждение о якобы достигнутом окончательном решении национального вопроса в СССР. Сталин принял эти поправки. В исправленных тезисах доклада Сталина на XII съезде, опубликованных 24 марта в «Правде», на первое место выдвигалась «особая опасность» великодержавного уклона.

Борьбу за решение «грузинского конфликта» в ленинском духе Троцкий продолжил на заседании Политбюро 26 марта, выдвинув предложение об отзыве Орджоникидзе с поста секретаря Заккрайкома, отклоненное большинством голосов⁶⁸. Троцкий сделал попытку привлечь к борьбе за ленинские идеи в национальном вопросе и Бухарина, написав ему 1 апреля: *«Мне кажется, что Вам следовало бы написать статью по национальному вопросу до партсъезда, и не беглую, а основательную...»* Троцкий делал все возможное, чтобы идеи ленинской статьи стали известны партии и были проведены в жизнь, отложив вопрос о ее публикации, «остав-

⁶² Там же.

⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

⁶⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 148

⁶⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 460.

⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.

⁶⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 460.

⁶⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153–161.

ляя хоть тень надежды, что Ленин успеет сделать относительно этой статьи какие-либо распоряжения насчет партийного съезда, для которого она... предназначалась...»⁶⁹.

Однако 16 апреля Фотиева сообщает Сталину, что она считает своим партийным долгом осведомить его о статье «К вопросу о национальностях, или Об „автономизации“» без распоряжения Ленина, резко изменив ситуацию, мотивируя свое решение тем, что «Владимира Ильича сильно волновал национальный вопрос и он готовился выступить по нему на партсъезде»⁷⁰.

Сталин отказался принять письмо Фотиевой, заявив ей, что «он в это не вмешивается». Тогда Фотиева направила письмо Каменеву, как председательствующему в Политбюро, вновь подчеркивая, что «статью эту Ленин считал руководящей, придавая ей большое значение, содержание которой по распоряжению Ленина было сообщено т. Троцкому»⁷¹. Копию этого письма Фотиева послала Троцкому.

В тот же день Каменев переслал в Секретариат ЦК записку Фотиевой, считая, что «ЦК должен сейчас же решить положительно вопрос об опубликовании статьи Владимира Ильича», подтвердив, что более месяца тому назад Троцкий показывал ему статью Ленина по национальному вопросу⁷².

Троцкий в свою очередь направил в Секретариат ЦК заявление, обращенное ко всем членам ЦК, с приложением копии статьи, записок Ленина и Володичевой от 5 и 6 марта. В заявлении обращалось внимание на то, что помимо своего принципиального значения статья несет особую остроту, поскольку в ней содержится резкое осуждение по адресу трех членов ЦК, и что он не видит другого исхода, как сообщить членам ЦК о статье, имеющей для партийной политики в национальном вопросе огромное значение⁷³.

Прочитав письма Каменева и Троцкого, Сталин изменил тактику, очевидно, вступив в переговоры с Ульяновой и Фотиевой, результатом чего явилось написанное в 9 часов вечера новое письмо Фотиевой Сталину о том, что Ульянова высказалась в том смысле, что печатать статью нельзя, так как прямого распоряжения Ленина об ее опубликовании не было, и поэтому она считает возможным лишь ознакомление с нею делегатов съезда, к чему Фотиева добавила перефразированную мысль, что «Ленин не считал эту статью законченной и готовой для печати»⁷⁴.

Это письмо Фотиевой Сталин не только принял, но и немедленно использовал. В 10 часов вечера он написал заявление членам ЦК с резкими обвинениями в адрес Троцкого, удивляясь, что такие важные статьи Ленина, полученные Троцким еще 5 марта, последний держал под спудом более месяца, не уведомив Политбюро или Пленум ЦК вплоть до открытия XII партсъезда. Сталин фарисейски призывал опубликовать письмо, сожалея, что это нельзя делать согласно высказываниям Фотиевой⁷⁵. Возражая Сталину, Троцкий в письме членам ЦК заявил о получении письма Ленина в секретном и личном порядке, и несмотря на предложения Троцкого довести его содержание до членов Политбюро, Ленин через Фотиеву отказался от этого⁷⁶. Сталин сразу в личной беседе с Троцким заявил, что по вопросам статьи Ленина он не видит неправильных шагов со стороны Троцкого и готов подтвердить это письменно. 18.04.1923 г. Троцкий направил Сталину письмо, заявляя, что такого заявления он еще не получил, в результате чего Сталин снял свои обвинения.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

О напряженной обстановке обсуждения ленинской статьи свидетельствуют слова Ленина, процитированные Троцким, связанные с запретом показывать статью членам Политбюро: «*Сталин пойдет на гнилой компромисс и обманет*», на что Сталин возражал, считая, что записки и статья «*написаны больным Лениным под влиянием „бабья“*». Статья, распространенная после съезда среди членов партии и даже попавшая за границу, опубликованная 17.12.1923 г. в эмигрантском меньшевистском журнале «Социалистический вестник», была под запретом на публикацию в СССР, снятым только в 1956 г.

По мере приближения к XII съезду партии здоровье Ленина ухудшалось, но он был утвержден докладчиком по политическому отчету ЦК съезду, а когда здоровье его окончательно пошатнулось, встал вопрос об основном докладчике. Сталин заявил, что это следует поручить Троцкому, и был поддержан рядом руководителей партии и страны. Троцкий возразил, что он не является эквивалентной заменой Ленину, считая, что надо провести съезд без основного доклада, а выступить с отдельными докладами по соответствующим направлениям каждому из членов Политбюро, имевших с ним расхождения. Сталин, поддержанный Калининным, заявил, напротив, что у них нет разногласий с Троцким⁷⁷. В этот период Сталин, ожидая надвигающуюся со стороны Ленина грозу, пытался заручиться поддержкой Троцкого, всячески обхаживая его, даже предложив назначить Троцкого зампредсовнаркома, поручив ему курирование ВСНХ⁷⁸.

Но Зиновьев вдруг потребовал, чтобы ему поручили выступить с основным докладом, представляясь наследником Ленина. А Каменев задавал провокационный вопрос: «*Неужели же мы допустим, чтоб Троцкий стал единоличным руководителем партии и государства?*»⁷⁹, сея миф о стремлении Троцкого к личной диктатуре, хотя с 1923 г. усиленно распространялись слухи о его «небольшевистском» прошлом.

Известен другой пример драматической фракционной борьбы «тройки» с Троцким и прикованным к постели Лениным, впервые обнародованный Троцким в статье «Сверхборджиа в Кремле», сообщавшей, что в феврале или в начале марта на заседании Политбюро Сталин заявил о просьбе Ленина предоставить ему яд в случае получения нового удара и вероятности лишения речи, став инвалидом, считая за лучшее покончить с собой, что почти поминутно описывается тем же Роговиным, к помощи которого я прибегаю в очередной раз.

Крупская также вспоминала, что Ленин одобрял поступок супругов Лафаргов, предпочитавших добровольный уход из жизни – жизни инвалидов. «*Ильич говорил: „Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть как Лафарги“*»⁸⁰.

В 1926 г. во время июльского пленума ЦК и ЦКК лидеры левой оппозиции потребовали выполнить совет Ленина о снятии Сталина с поста генсека, приводя многочисленные факты о крайне отрицательном отношении Ленина в последние месяцы жизни к Сталину. Однако М. И. Ульянова обратилась к пленуму с заявлением, утверждая, что Ленин до конца своих дней хорошо относился к Сталину, ибо обратиться с просьбой о яде можно лишь к настоящему революционеру. Заявление было написано Ульяновой по наущению Бухарина и Сталина для дезавуирования сообщения лидеров оппозиции. В 1989 г. была опубликована фотокопия черновика заявления Ульяновой, написанного рукой Бухарина.

Сохранилась также запись Ульяновой, не предназначавшаяся для печати, с попыткой переосмыслить для себя факты и выводы своего заявления. Из записки следует, что впервые просьба Сталину о яде была высказана Лениным зимой 1921–1922 гг., когда он ощущал резкое

⁷⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 464, 465.

⁷⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 178, 179.

⁷⁹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 465.

⁸⁰ Воспоминания о В.И. Ленине. В 5 т. 2-е изд. М., 1979. Т. 1. С. 363.

падение работоспособности, опасаясь наступления паралича. Сталин тогда обещал в случае ухудшения здоровья Ленина передать ему яд. С повторной просьбой Ленин обратился к Сталину после первого удара в мае 1922 г., заявив, что *«время исполнить данное раньше обещание пришло»*. Сталин сообщил об этом разговоре находившимся в соседней комнате Бухарину и Ульяновой. После переговоров с ними, вернувшись к Ленину, Сталин сказал, что разговор с врачами убедил его, что *«не все еще потеряно и время исполнить... просьбу не пришло»*⁸¹.

Эти свидетельства Ульяновой подтверждаются и дополняются Фотиевой, доверившей в 1967 г. писателю А. Беку свои воспоминания о просьбе Ленина, обращенной к Сталину еще в 1922 г. в Горках, прислать ему цианистого калия, сопроводив свою просьбу замечанием: *«Если дело дойдет до того, что я потеряю речь, то прибегну к яду. Хочу его иметь у себя»*. Сталин согласился. Однако, узнав об этом, Ульянова категорически воспротивилась, и Ленин яда не получил. После нового удара в декабре он под строгим секретом опять послал Фотиеву к Сталину за ядом, но Сталин и в этот раз не передал ей яда⁸².

Из этого следует, что ленинская просьба была известна более широкому кругу лиц, чем предполагал Троцкий, причем Ленин просил у Сталина яд по крайней мере трижды: в конце 1921 г., летом 1922 г. и в декабре 1922 г., и каждая просьба становилась известной близким Ленину людям. Однако ни Ульянова, ни Фотиева не упоминали об обращении с подобной просьбой к Сталину в феврале 1923 г., когда Сталин впервые сообщил о ней другим членам Политбюро, точно так же как не существует доказательств того, что Сталин в этот период вообще встречался с Лениным. Троцкому были известны лишь два факта: сообщение Сталина о ленинской просьбе, чему он был сам свидетелем, и официальное письмо Ульяновой в адрес июльского пленума 1926 г. Троцкий писал в статье «Сверхборджиа в Кремле», что *«Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу, как непосредственно заинтересованного в ее исполнении... Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью?»*⁸³

⁸¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.

⁸² Московские новости. 1989. 23 апреля.

⁸³ Троцкий Л. Д. Портреты. Chaldize publications, 1984. С. 48.

Комната больного Ленина

Сегодня, основываясь на вышеприведенных фактах, напрашивается вывод, что, зная, что ленинская просьба известна не только ему, Сталин мог предполагать, что в случае смерти Ленина на него падет подозрение в ее ускорении. Этим возможно объяснялось его решение сообщить членам Политбюро о просьбе Ленина, якобы переданной ему в последние дни, а может быть, и получить их согласие на передачу яда.

На совещании в Политбюро все участники высказали Сталину соображения о том, что о передаче яда Ленину не может быть и речи.

Сталин в эти дни, конечно, мог прийти к выводу, что возвращение Ленина к активной политической жизни означало бы для него, генсека, политическую смерть. *«Поведение генсека, – вспоминал Троцкий, – становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатой в зубах труб-*

кой, со зловещей желтизной глаз; он не отвечал на вопросы, а огрызался. Дело шло о его судьбе»⁸⁴. Действительно, работы, продиктованные Лениным в декабре 1922 – марте 1923 гг., явились результатом его напряженных размышлений о вероятном продолжении работы Политбюро и ЦК, если ухудшение здоровья вынудит его расстаться с активной политической деятельностью, и не было в них места как для Сталина, так и для его интриг.

Когда в декабре 1923 г. Ленина практически полностью парализовало от второго апоплексического удара, он едва мог говорить. Все его оставшиеся силы были сконцентрированы на одной цели: разработке своего политического завещания, предостерегающего от посягательств Сталина на власть, осуществившего по сути еще с 1922 г. бюрократический переворот, лично создавшего суровый режим контроля в жилом помещении Ленина. *«Ни друзья, ни люди из его ближайшего окружения, – гласила инструкция, – не могут делиться с Ильичом какими-либо политическими новостями, так как это могло его побудить к размышлениям и заставить нервничать».*

Ленин пожелал быть похороненным возле своей матери в Санкт Петербурге. Но Сталин, ученик священника, имел другие планы: умерший предшественник должен был стать великой реликвией всемирной коммунистической религии. Специально созданная группа ученых по увековечению вождя, разработав секретную рецептуру из глицерина, спирта и других химических веществ, забальзамировала труп. Торжественное прощание с телом красного фараона происходило во временно сооруженном деревянном мавзолее на Красной площади. Не участвовал в церемонии лишь мозг Ленина, изъятый учеными, разрезавшими его на 30 тыс. сегментов, запрессовав между стеклянными пластинами. Многие поколения ученых с тех пор пытались изучить состав и строение мозга гения. В 1994 г. московский «Институт мозга» опубликовал результаты последнего вскрытия: В.И. Ленин имел среднестатистический мозг. Но это было уже позже, а тогда...

Трудно представить напряженность той драматической обстановки, возникшей при противостоянии Ленина и Сталина в конце 1922 – начале 1923 гг., в которой большое значение приобретала и нравственная компонента конфликта. Троцкий писал о Ленине, хорошо знавшем о том, что вместе со временем меняются и участники строительства нового государства, из пустого места поднявшиеся на вершину власти, создавая особенно для старых революционеров небывало резкую перемену как в личном быту, так и во взаимоотношениях с окружением. И, получив должность генсека, Сталин стал раздатчиком милостей и постов, что вело к неизбежному конфликту, результаты которого привели к утрате Лениным нравственного доверия к Сталину⁸⁵.

Настойчивый интерес Ленина к «грузинскому делу» показывал Ильичу еще не раскрытые потайные черты характера Сталина, сказывающиеся на его деятельности и ухудшающие мнение Ленина о нем. Сталин понимал это и уже в начале марта сделал неллицеприятный шаг, пытаясь улучшить отношение к нему Ленина, – пригласив М.И. Ульянову к себе, с видом полного огорчения выдал из себя: *«За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь»*⁸⁶.

Ульяновой становится жаль Сталина, и при встрече с Лениным она передает от Сталина привет с любозлияниями в адрес больного. На вопрос, передать ли Сталину ответный привет, Ленин довольно холодно ответил: *«Передай»*. На возражение Ульяновой, что Сталин все же умный⁸⁷, Ильич ответил решительно, поморщившись: *«Совсем он не умный»*⁸⁸. Это было его мнение о нем – определенное и сложившееся⁸⁹.

⁸⁴ Там же. С. 41.

⁸⁵ Троцкий Л.Д. Завещание Ленина // Горизонт. 1990. № 6. С. 42.

⁸⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198, 199.

⁸⁷ В 1967 году Фотиева вспоминала, что при жизни Ленина М.И. Ульянова говорила ей: «После Ленина в партии самый умный человек Сталин» (Московские новости. 1989. 23 апреля).

5 марта произошло событие, еще более обострившее отношения между Лениным и Сталиным, когда Ленину стало известно об инциденте, происшедшем между Сталиным и Крупской. По словам секретаря Крупской В. Дридзо, после ее телефонного разговора с неизвестным Ленин спросил:

– Кто звонил?

– Это Сталин, мы с ним помирились.

– То есть как?

Тогда Крупская, вынуждена была рассказать, что 21 декабря она с разрешения профессора Ферстера записала продиктованное Лениным письмо Троцкому о постановке вопроса о монополии внешней торговли на XII партийном съезде и на фракции X Всероссийского съезда Советов. Троцкий, исходя из соображений партийной лояльности, немедленно после получения письма сообщил о его содержании Каменеву, переславшему письмо Сталину, изложив суть разговора.

В тот же день Сталин написал ответ Каменеву, возмущившись тем, «как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера»⁹⁰. Последовал разговор между Сталиным и Крупской, в котором он сослался на свою «персональную ответственность за изоляцию Ленина от личных сношений с работниками, так и переписки»⁹¹, подвергнув Крупскую грубым оскорблениям и угрозам. Крупская обратилась к Каменеву и Зиновьеву с просьбой оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз»⁹².

Узнав об этой грубости Сталина, Ленин почувствовал себя глубоко оскорбленным, осознавая свою беспомощность как человека, прикованного к постели. Он направляет письмо Сталину, с копиями для Зиновьева и Каменева, предлагая: «Взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения»⁹³.

Это дополняется эпизодом телефонного разговора М. И. Ульяновой, когда последняя грозила Сталину обратиться к помощи московских рабочих, «чтобы они научили вас, как нужно заботиться о Ленине»⁹⁴.

В начале марта 1923 г. политические и личные события схлестнулись между собой. 6 марта Троцкий, получив от Ленина записку к Мдивани и Махарадзе, ознакомил с ней Каменева, присовокупив к ней ленинские документы по национальному вопросу. Каменев «был совершенно дезориентирован, – вспоминал Троцкий. – Идея тройки – Сталин, Зиновьев, Каменев – была уже давно готова»⁹⁵. А корреспонденция Ленина как бы вбивала клин в сталинскую затею.

Каменев сообщил Троцкому, что от Крупской он узнал о продиктованном Лениным письме Сталину. «Но ведь вы знаете Ильича, – прибавила Крупская, – он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если б не считал необходимым разгромить Сталина политически»⁹⁶. Каменев, собираясь на съезд грузинских коммунистов, откровенно признался Троцкому, что не знает, как ему поступать. Троцкий ответил ему, что не будет поднимать вопрос об организационных выводах относительно Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского: «...Я согласен с Лениным по существу. Я хочу радикального изменения национальной политики, пре-

⁸⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198, 199.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 675.

⁹³ Там же. С. 329, 330.

⁹⁴ Московские новости. 1989. 23 апреля.

⁹⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 460, 461.

⁹⁶ Там же.

кращения репрессий против грузинских противников Сталина, прекращения административного зажима партии, более твердого курса на индустриализацию и честного сотрудничества наверху»⁹⁷.

Триумвиры были обеспокоены записками Ленина, что нашло выражение в письме Каменева Зиновьеву от 7 марта, в котором он замечал, что *«Сталин ответил весьма сдержанным и кислым извинением, вряд ли удовлетворяющим Старика»⁹⁸.*

Однако на следующий день поведение Сталина резко изменилось. Узнав, по-видимому, о серьезном ухудшении здоровья Ленина, он заявил Володичевой, пришедшей к нему с ленинским письмом, что это говорит не Ленин, а его болезнь⁹⁹. В ответном письме, переданном через Володичеву, вместо извинения за свой поступок содержались новые провокационные выпады, негативно действующие на здоровье Ленина. Письмо это заканчивалось словами: *«Мои объяснения с Н. К. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть. Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения „отношений“ я должен „взять назад“ сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя „вина“ и чего, собственно, от меня хотят»¹⁰⁰.*

Течение болезни Ленина было неоднозначным, наравне с эпизодами кажущейся ремиссии наступало длительное ухудшение. Дневник дежурных секретарей Ленина свидетельствует, что до середины февраля шло улучшение его здоровья и настроения и еще 30 января врач высказал предположение, что Ленин сможет выступить 30 марта, ко дню открытия XII съезда, а еще за месяц до этого ему было разрешено чтение газет. Записи секретарей фиксировали улучшение здоровья вождя.

Но 12 февраля Ленину стало хуже, а накануне Ферстер запретил Ленину чтение газет, свидания и политическую информацию. Лишенный уже давно газет и свиданий Ленин спросил Ферстера, что означает политическая информация, на что получил ответ: «Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих». Фотиева в тот же день отметила, что, *«по-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Ильича»* и что у него *«создалось впечатление, что не врачи дают указания ЦК, а ЦК дал инструкции врачам»¹⁰¹.*

Изоляция Ленина от политической информации являлась, по мнению медиков, политической интригой его противников, ухудшающей состояние Ленина. Ферстер пишет: *«Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть»¹⁰².* Тогда же вечером Ленин говорил с Фотиевой вновь относительно своих поручений, подробно занимаясь изучением «грузинского вопроса», переживая, что не успеет до съезда подготовить свое выступление. Одновременно он взял с сотрудников слово держать все в строжайшей тайне до окончания работы и не распространяться о его статье («К вопросу о национальностях...»), поскольку *«ему все время казалось, что с ним уже не считаются...»*. Но, получив известие, что статья отправлена Троцкому и получен положительный ответ, Ленин обрадовался и успокоился¹⁰³, считая еще 6 марта реальным свое выступление на съезде с речью-«бомбой» против Сталина.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 149–150.

⁹⁹ Московские новости. 1989. 23 апреля.

¹⁰⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 184.

¹⁰³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.

Нерешительность Троцкого – шанс Сталина

В эти дни Троцкий все же не решился вынести свою борьбу с триумvirатом за пределы Политбюро, сделав это только в октябре 1923 г. Он писал в 1929 г., что тогда об идее блока «Ленина с Троцким» против аппаратчиков и бюрократов было известно только им двоим. Выступление Троцкого могло означать личную борьбу за место Ленина¹⁰⁴. По мере ухудшения состояния Ленина становился все заметней парадокс – борясь против раскола партии вследствие личной неприязни Сталина с Троцким, он тем не менее побуждал Троцкого к энергичной борьбе со Сталиным. Троцкий, однако, был нерешителен, считая, что позиция триумvirата значительно окрепла и что борьба с ним может окончиться поражением, приводя слова Крупской, сказанные в 1927 г.: «...Если б жив был Ленин, то, вероятно, уже сидел бы в сталинской тюрьме»¹⁰⁵.

Нерешительность Троцкого стала главным водоразделом развития большевизма в России, отразившись на последующих событиях. В этом состояла не только тактическая, но и стратегическая ошибка, причиной которой стала неопределенность в состоянии здоровья Ленина, связанная с надеждой на возможное улучшение его состояния до 6 марта и участие его в работе XII съезда. Конечно, политических оснований для открытого выступления против триумvirата у него было достаточно. Сталинские фракционные махинации в «грузинском вопросе» были известны Троцкому еще в большей мере, чем больному Ленину. Мобилизация партии против назревавшей угрозы бюрократического перерождения политического режима становилась все более настоятельной, являясь соизмеримой с талантом Троцкого.

Но Троцкий, вопреки легенде, распущенной триумvirатом в те дни и оставшейся до наших дней, о его стремлении к личной диктатуре, допустил как тогда, так и позднее ошибки прямо противоположного характера. Природу этих ошибок помогает понять предсмертное письмо А.А. Иоффе, покончившего жизнь самоубийством в разгар разгрома оппозиции в ноябре 1927 г.

«Нас с Вами, дорогой Лев Давыдович, связывает десятилетие совместной работы и личной дружбы тоже, смею надеяться, – писал Иоффе. – Это дает мне право сказать Вам на прощание то, что мне кажется в Вас ошибочным.

Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути, и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами...

Но я всегда считал, что Вам недостает ленинской непреклонности, неуступчивости, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы политически всегда были правы, начиная с 1905 г., и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 г. не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь... Но Вы часто отказывались от собственной правоты в угоду переоцениваемому Вами соглашению, компромиссу. Это – ошибка»¹⁰⁶.

Именно эти черты Троцкого, подмеченные его ближайшим другом, обусловили его роковые ошибки в начале 1923 г. Троцкий был последователен, решителен и до конца непримирим в борьбе против классовых врагов, что проявилось в годы Октябрьской революции и гражданской войны. Он был решителен, даже излишне самоуверен, согласно Ленину, если речь шла о борьбе за принципы или за интересы дела. Но оказался почти бездействен и нерешителен в

¹⁰⁴ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 457, 458.

¹⁰⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 457.

¹⁰⁶ Цит. по: Троцкий Л.Д. Портреты. С. 240, 241.

борьбе против закулисных интриг, провокаций и тайных заговоров его личных противников из своей партии.

По этой причине он упустил инициативу и ряд возможностей, открывавшихся перед ним в начале 1923 г.: отказался выступить с политическим докладом на XII съезде партии; дважды отказался от предложения стать зампредела Совнаркома, т. е. фактическим главой государства в отсутствие Ленина; допустил ряд других компромиссов в Политбюро. Например, когда Сталин фарисейски просил 1 февраля о своем освобождении от обязанности наблюдения за исполнением врачебного режима для Ленина, Троцкий не воспрепятствовал отклонению предложения переложить эту обязанность со Сталина на себя.

Очевидно, опасаясь обвинений во фракционности, Троцкий в период перед XII съездом не сплотил вокруг себя единомышленников, недовольных политическим диктатом «тройки», не обеспечил их организованное выступление на съезде против попыток «тройки» узурпировать власть партии. На этот шаг Троцкий решился только через полгода, когда надежды на выздоровление Ленина исчерпались, а тройка значительно укрепила свои позиции.

Поставить свои условия триумvirату, указав на то, что в случае их отклонения он может перенести спорные вопросы на рассмотрение съезда, Троцкий решился, лишь получив прямой и настойчивый призыв Ленина к солидарной борьбе. Но это произошло только 6 марта, когда ленинское здоровье резко ухудшилось. Возможность победы в борьбе с «заговором эпигонов» была упущена. Тем не менее главная трудность для триумvirата в это время состояла в выявлении открытой войны Троцкому, имя которого было тесно связано с именем Ленина.

В первом издании сочинений Ленина сказано: *«После того, как Петербургский совет перешел в руки большевиков, был избран его председателем Троцкий, в качестве которого он организовал и руководил восстанием 25 октября»*. Сам Сталин после революции в юбилейной статье 1918 г. говорил о Троцком: *«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому»*.

В первые послереволюционные годы в партии и в стране Троцкий пользовался популярностью, соизмеримой только с популярностью Ленина. Даже на XII съезде партии приветственные выступления рабочих делегаций заканчивались чаще всего здравицей в честь двух вождей партии – Ленина и Троцкого. Заслуги Троцкого в организации Октябрьского восстания и Красной армии никем не оспаривались. На страницах «Правды», в центральных и местных изданиях еще в первой половине 1923 г. публиковались статьи о Троцком не только близких к нему коммунистов¹⁰⁷, но и таких людей, как Луначарский и даже Ярославский, наиболее рьяный в будущем идеолог борьбы с «троцкизмом». В них о Троцком говорилось в одинаковых тонах, как о Ленине, а борьба с Троцким велась только на уровне закулисных интриг.

Тем временем состояние Ленина оставалось критическим. Вплоть до июля 1923 г. речь шла о его жизни. При больном постоянно дежурили врач и медсестра. Растеряны были не только родные и близкие, но и врачи, что не давало возможности Крупской, прикованной к постели умирающего супруга, без его прямого указания передать «Завещание» XII съезду партии.

31.03.1923 г. было принято решение о том, что Зиновьев сделает доклад о политической, а Сталин об организационной деятельности партии, против чего Троцкий не возражает, взяв на себя доклад о промышленности.

¹⁰⁷ В этом плане характерна статья К. Радека «Лев Троцкий – организатор победы», напечатанная в «Правде» 14 марта 1923 года.

Накануне съезда среди его участников появляется тайный документ с требованием о необходимости отмены постановлений, запрещающих внутрипартийные группировки, и прекращения гонений на товарищей, выступающих коллективно по партийным и советским вопросам¹⁰⁸. В документе предлагалось также *«уничтожить монополию коммунистов на ответственные места, лишить партбилет значения патента и тем ослабить засорение партии карьеристами и развитие карьеризма, приспособленчества, обывательщины в рядах партии...»*¹⁰⁹ Также считалось необходимым, чтобы XII съезд удалил от партийного руководства *«одного-двух наиболее фракционно настроенных ответственных работников господствующей группы: Зиновьева, Сталина, Каменева»*¹¹⁰.

Содержание послания было во многом созвучно настроениям Троцкого, выразившего свое критическое отношение к сложившемуся внутрипартийному режиму только в письмах к членам ЦК. Только в письме в ЦК от 08.10.1923 г. Троцкий упомянул о том, что многие члены партии с величайшей тревогой отнеслись к условиям созыва XII съезда. И только стремление создать успешную работу партии в период болезни Ленина заставило многих не выявлять недовольство, не вынося тревоги на трибуну съезда¹¹¹. В результате выступления против политики триумvirата оказались неорганизованными и несогласованными.

В выступлениях делегатов Красина, Ларина и Осинского содержались мысли, созвучные предсъездовскому выступлению Троцкого в «Правде», о необходимости более четкого разделения функций между партийными, советскими и хозяйственными органами, предоставляя двум последним большую самостоятельность. В речи В. Косиора обращалось внимание на попытки отстранить Троцкого и других коммунистов от руководящей работы, *«исключительно потому, что в различное время и по различным поводам они участвовали в тех или иных группировках, выступая в дискуссиях против официальной линии, проводимой ЦК»*¹¹².

Отвечая на эти обвинения, Сталин в заключительном слове доклада лишь коснулся вопроса о Троцком, заявив, что тот дважды отказался от предложения стать заместителем Ленина в Совнарком. Сталин объяснял отказ последнего тем, что, очевидно, существует какая-то причина, не дающая ему возможность взять кроме военной еще другую, более сложную работу¹¹³, прибегнув даже к прямым угрозам против выступавшего с критикой триумvirата Осинского: *«...Если т. Осинский серьезно думает предпринять такие атаки против того или иного члена ядра нашего ЦК, я должен его предупредить, что он наткнется на сплошную стену, о которую, я боюсь, он расшибет себе голову»*¹¹⁴. Какая жестокость, переходящая в наглость по отношению к товарищу по партии.

Сталинская аппаратная подготовка XII съезда, нерешительность Троцкого и неосведомленность большинства делегатов о борьбе внутри Политбюро привели к тому, что, по выражению Зиновьева, XII съезд «молчаливо» закрепил главенствующую роль «сложившегося ядра» в ЦК. Другая очевидная победа триумvirата и партийной бюрократии состояла в том, что из резолюции съезда по организационному вопросу оказалось выхолащенным содержание ленинских идей о внутрипартийной демократии и повышении роли ЦКК¹¹⁵, сохранив бесконтрольную власть Политбюро.

Укрепив свои позиции на XII съезде, «тройка» во главе со Сталиным перешла к решительной расправе с инакомыслящими, первой жертвой которой стал арест видного деятеля

¹⁰⁸ Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 53.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165, 166.

¹¹² Там же. С. 102.

¹¹³ Там же. С. 198, 199.

¹¹⁴ Там же. С. 201.

¹¹⁵ Политическое образование. 1988. № 10. С. 37.

компартии М.Х. Султан-Галиева, резко критиковавшего сталинский проект «автономизации» в предсъездовской дискуссии, выразив несогласие с предложениями Сталина о принципах формирования союзных ЦИКа и Совнаркома, выступив за участие в высших органах СССР представителей не только союзных, но и автономных республик, что было названо Сталиным «мертворожденной, реакционной» идеей.

Однако Султан-Галиев и на XII съезде подтвердил свои требования о расширении прав автономных республик. После окончания съезда партколлегия ЦКК решила исключить Султан-Галиева из партии, снять его со всех постов и передать его дела в ГПУ. Сам Султан-Галиев был арестован по обвинению в создании националистической организации, выступающей против партии и Советского государства, но был освобожден, ибо начальник Секретного оперативного управления ГПУ Менжинский опроверг агентурные сообщения о связи Султан-Галиева с басмачеством. Но просьба Султан-Галиева о восстановлении в партии была отклонена.

С другими своими оппонентами Сталин не имел еще возможности расправиться так же сурово. Для устранения их с руководящей партийной и советской работы он использовал метод направления в «дипломатическую ссылку». Так поступили с Мдивани и Раковским, близким другом Троцкого, председателем Совнаркома Украины. Противоборство Раковского с линией Сталина на возрождение автономистского курса привело к тому, что в июне 1923 г. генсек обвинил Раковского и его единомышленников на Украине в конфедерализме, национал-уклонизме и сепаратизме. В результате Раковский лишился своего поста, став послом в Англии. Раковский писал 18 июля, адресуясь Сталину и партийному руководству: *«Мое назначение в Лондон является для меня, и не только для меня одного, лишь предлогом для моего снятия с работы на Украине...»*¹¹⁶ О судьбе Раковского мы поговорим более подробно позднее.

Сталин постоянно лицемерит: в телефонном разговоре с Б. Пастернаком Сталин замечает: *«Мы, старые большевики, никогда не отрекались от своих друзей»*. Так и хочется перечислить всех бывших поверженных друзей. Вспомним хотя бы Орджоникидзе, старых грузинских большевиков, работавших с ним в годы подполья, вспомним закрытие общества старых большевиков и политкаторжан. В годы репрессий не уцелел ни один из тех, кто отбывал с ним ссылки. Не о дружбе он думал в трудные минуты войны. *«Он был убежден, что всеобщий страх – это и есть тот камень, на котором будет покоиться его незыблемая власть, и „врата ада не смогут одолеть ее“.* Это и была главная ошибка его жизни»¹¹⁷.

Согласно новым обнаруженным документам, летом 1923 г. положение Сталина в Политбюро было еще довольно шатким, а его предложения наталкивались на отпор не только Троцкого. Это проявилось, например, в связи с попыткой отменить запрет на торговлю водкой и другими высокоградусными напитками, существующий с царских времен и сохраненный после революции¹¹⁸. Троцкий вступил в переговоры с членами ЦК, убеждая их в недопустимости этой меры, имея в виду колеблющихся Орджоникидзе, Ворошилова и Бухарина¹¹⁹. К этому призывала и опубликованная 12 июля в «Правде» статья Троцкого «Водка, церковь, кинематограф». Тогда же Политбюро приняло решение, предлагавшее воздержаться от дискуссионных статей в «Правде» по вопросу продажи водки.

15 июля член редколлегии «Правды» Преображенский в записке в Политбюро просил отменить это решение, настаивая на обсуждении вопроса¹²⁰. Спустя две недели Политбюро приняло решение, подтверждавшее нежелательность обсуждения этого вопроса, считая письмо Преображенского «недопустимым по тону и непозволительным по содержанию», выведя его

¹¹⁶ Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 123.

¹¹⁷ *Солохин М.* 22 июня 1941 г. М.: Яуза, 2006. С. 478

¹¹⁸ В декабре 1919 г. СНК РСФСР принял подписанное Лениным постановление «О воспреещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ».

¹¹⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 193–200.

¹²⁰ Там же.

из редколлегии «Правды». Одновременно утверждается новый состав редакционной коллегии «Правды», что явилось очередным проявлением самоуправства Сталина, воспользовавшегося отсутствием части членов Политбюро, находившихся на лечении, в том числе и главного редактора «Правды» Бухарина, вызвав поток их возражений. Бухарин резко высказал в письме Каменеву, что нельзя швыряться людьми, даже в случае их неграмотности. Есть смысл двадцать раз переговорить, а потом решать¹²¹.

Еще более резким было письмо Зиновьева Каменеву с перечислением многочисленных фактов самовольных назначений Сталиным своих ставленников с намеком на смену редколлегии «Правды», упрекая Каменева в пособничестве Сталину, позволяя ему «прямо издеваться» над собой, считая, что генсек решает самостоятельно важнейшие вопросы. Письмо заканчивалось словами: *«Мы этого терпеть больше не будем. Если партии суждено пройти через короткую полосу единодержавия Сталина – пусть будет так. Но прикрывать все эти свинства я, по крайней мере, не намерен. Во всех платформах говорят о „тройке“, считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав. Либо будет найден серьезный выход, либо полоса борьбы неминуема. Ну, для тебя это не ново... Но что меня удивило – так это то, что Ворошилов, Фрунзе и Серго думают почти так же»*¹²².

Из этого письма следует, что Зиновьев к тому времени, во-первых, понимал, что «тройка» фактически распадается, заменяясь диктатурой Сталина. Хотя, во-вторых, считал «единодержавие» Сталина быстро преодолимой «короткой полосой». В-третьих, осознавал поддержку своего возмущения поведением Сталина не только у Каменева и Фрунзе, но и у ближайших сталинских друзей – Орджоникидзе и Ворошилова. Попытка ограничить возрастающую власть Сталина была сделана в августе 1923 г. в Кисловодске, где отдыхавшие там члены ЦК Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Ворошилов, Фрунзе, Лашевич, Орджоникидзе организовали «частное совещание» для обсуждения вопроса о коллективном руководстве, о том, как наладить работу руководящих органов партии в отсутствие Ленина.

Зиновьев, у которого уже стали возникать «кое-какие личные столкновения – и довольно острые» – со Сталиным, предложил в целях ослабления его власти два альтернативных плана. Первый сводился к созданию нового Секретариата, в который вошли бы Сталин, Троцкий и кто-то из троих – Зиновьев, Каменев или Бухарин, превращая новый Секретариат в «нечто вроде малого Политбюро». Второй план предполагал превращение Секретариата в служебный орган Политбюро. Получив об этом извещение, Сталин немедленно прибыл в Кисловодск и отверг оба плана Зиновьева. В результате переговоров со Сталиным было решено «Секретариат не трогать», а для увязки организационной и политической работы ввести в Оргбюро Троцкого, Бухарина и Зиновьева.

Одновременно Зиновьев сделал попытку «сговориться» с Троцким, направив к нему Серебрякова с предложением превратить «тройку» в «пятерку», пополнив ее Троцким и Бухариным. Троцкий резко отверг это предложение, заявив: «Ведь есть у нас Политбюро ЦК. Если Зиновьев хочет установить нормальные взаимоотношения, надо уничтожить и „тройку“ и „пятерку“»¹²³. Получив столь определенный ответ Троцкого на проведение комбинации в верхах, «тройка» сплотилась вновь, усилив свою фракционную конспиративную деятельность против Троцкого.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 34.

Запоздавшие атаки Троцкого

Члены триумvirата, занимаясь укреплением личных позиций и административной перестановкой кадров, проглядели серьезные экономические и политические процессы, назревавшие в партии и стране.

К июлю 1923 г. обнаружилось усиливающееся расхождение «ножниц»: цены на промышленные товары достигли 190 %, а на продовольственные товары – лишь 50 % довоенного уровня, что вызвало затоваривание промышленными изделиями и кризис их сбыта. Как следствие с лета 1923 г. предприятия часто приостанавливали выплаты зарплат, вызывая недовольство рабочих и волну забастовок в крупных промышленных городах (в Москве, Харькове, Сормове). Пик забастовок (217) и числа участвующих в них рабочих (165 тыс. человек) пришелся на октябрь 1923 г. Внутри партии активизировались нелегальные, хотя и малочисленные группы: «Рабочая правда» и «Рабочая группа РКП».

По решению Политбюро 18 сентября была образована комиссия под председательством Дзержинского для анализа экономического и внутрипартийного положения, результаты работы которой были сообщены на пленуме ЦК 23 сентября, выражая тревогу в связи с возникновением в партии нелегальных групп, их участием в стачках и пассивностью со стороны многих членов партии.

Троцкий, вернувшийся из Кисловодска, нашел сложившуюся в партии и стране обстановку резко ухудшающейся. Выводы комиссии Дзержинского он считал неудовлетворительными. Особое беспокойство вызвало предложение комиссии, обязывающее членов партии, владеющих информацией о внутрипартийных группировках, немедленно сообщать об этом в ГПУ, ЦК и ЦКК, считая это симптомом ухудшения внутрипартийной обстановки.

Другим обстоятельством, побудившим Троцкого вынести внутрипартийную борьбу за пределы Политбюро, была попытка на сентябрьском пленуме ограничить его деятельность как руководителя военного ведомства, расширив состав Реввоенсовета, включив в него Сталина и его ближайших сторонников. Троцкий, рассмотрев очередную интригу против себя, просил ЦК освободить его от всех постов, позволив отправиться в Германию, где назревала революция. Превращая это в фарс, Зиновьев просил направить и его «солдатом германской революции» вместе с Троцким. Сталин, резко возражая, предложил ЦК не отпускать своих «любимых вождей». Предложение было принято, а член ЦК Комаров заявил: «Не понимаю только одного, почему товарищ Троцкий так кочевряжится?», окончательно взорвав Троцкого, покинувшего зал со словами: «Прошу вычеркнуть меня из числа актеров этой унижительной комедии»¹²⁴.

Эта противоречивая ситуация в руководстве партии стала помехой при решении не только внутрипартийных вопросов, но и вопросов международного коммунистического движения, прежде всего в Германии, где возникла революционная ситуация, при успешной реализации которой произошла бы существенная перегруппировка в руководстве Коминтерна с утратой «тройкой» господствующих позиций в нем. Переход революционной ситуации в восстание германского пролетариата укрепил бы позиции Троцкого, настаивавшего на немедленном выступлении и разработавшего его детальный план. Руководство ГКП просило Москву откомандировать Троцкого в Германию для руководства восстанием, но Политбюро приняло решение направить в Германию «немецкую комиссию» из деятелей РКП(б) менее высокого ранга, предлагая «принимать решения на месте». В результате возникших противоречий и неоднозначных указаний, даваемых германской компартии руководством Коминтерна, и нерешительности самого германского ЦК в вопросе о восстании германская революция, ожидав-

¹²⁴ Знание – сила. 1989. № 7. С. 84.

шаяся коммунистами с нетерпением в России и во всем мире, потерпела поражение, значительно ослабив международное коммунистическое движение.

Однако вернемся к сентябрьскому пленуму. К Троцкому, покинувшему зал заседаний, для переговоров был направлен Куйбышев, которому Троцкий заявил о полной недопустимости «политики, когда назначения, смещения, переброски и пр. производятся с прямым ущербом для дела по очень определенным внутривнутрипартийным соображениям, а для партии официально мотивируются совершенно другими причинами... *Пора положить конец нынешнему режиму двойной партийной бухгалтерии, уже принесшему величайший вред и чреватому новыми величайшими опасностями*»¹²⁵. В ответ Куйбышев цинично заявил: «Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но мы не можем вас объявить врагом; вот почему мы вынуждены прибегать к таким методам». Троцкий обратился в ЦК и ЦКК с письмом, изложив этот разговор с Куйбышевым, и получил от последнего лицемерное объяснение, что «уважение и любовь к Троцкому исключают всякую возможность враждебности»¹²⁶.

Учитывая такой решительный протест Троцкого против реорганизации Реввоенсовета, Пленум ЦК удержался от немедленного проведения предложенных мер. Однако в принятом постановлении одобрялось в принципе введение в состав РВС «военных членов ЦК» и создание при председателе Реввоенсовета исполнительного органа с участием Сталина.

Усилия Троцкого в борьбе против ошибочной политики большинства ЦК, направленные на предотвращение раздора и на создание здоровой атмосферы, не дали существенных результатов. Троцкий заявлял, что в условиях непрерывного усугубления ошибок большинством ЦК он считает «не только своим правом, но и своим долгом высказать то, что есть, каждому члену партии»¹²⁷. На заседании Политбюро 11 октября, впервые обсуждавшем это письмо, некоторые члены и кандидаты в члены Политбюро, еще не связавшие себя тесно с «тройкой», признали ненормальность сложившегося внутривнутрипартийного режима. Дзержинский потребовал обновления Московского комитета как слишком бюрократического. Бухарин, выступая против предложения нового Политбюро обязать членов партии сообщать о внутривнутрипартийных группировках, сказал: «Это только повредит. Это будет понято как избыток полицейщины, которой и без того много. Нам необходимо резко повернуть руль в сторону партийной демократии»¹²⁸. Никто из присутствовавших не выступил против этих слов Бухарина, а Молотов даже подчеркнул, что это «азбучные истины».

Вместе с тем большинство членов Политбюро обратилось к Троцкому с просьбой отсрочить рассылку его письма членам ЦК и ЦКК. Троцкий согласился, сообщив, что со своим письмом он ознакомил лишь небольшой круг ответственных товарищей, не входящих в состав ЦК и ЦКК. Обеспокоенные тем, что Троцкий впервые вынес за пределы ЦК свои разногласия с большинством членов Политбюро, они попытались представить письмо Троцкого платформой, ведущей к образованию фракции¹²⁹. 14 октября на бюро МГК партии было сообщено о распространении письма Троцкого среди московской организации. Бюро МГК выступило против дискуссии по письму Троцкого, перенеся обсуждение на пленум ЦК с участием представителей крупнейших партийных организаций.

15 октября члены Политбюро получили письма Молотова и Томского с сообщением о циркуляции письма Троцкого в широких партийных кругах, предвещающей его скорое обсуждение в Москве. Троцкий, возражая, заявил, что им приняты все меры для предотвращения распространения содержания письма до следующего заседания Политбюро, предполагая, что

¹²⁵ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 40.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 168.

¹²⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 176–179.

слухи о распространении письма являются очередной провокацией Сталина, ищущего предлог для обвинения Троцкого во фракционизме. В тот же день был созван Президиум ЦКК, обсудивший возражения Троцкого, принявший резолюцию, развивавшую обвинения, выдвинутые бюро МК, утверждая, что «партия этим письмом поставлена перед фактом выступления одного из членов ЦК с определенной платформой, противопоставленной проводимой ныне нашей партией, в лице ее ЦК, политике»¹³⁰. Существенное изменение в создавшуюся ситуацию внесло представленное в тот же день 15 октября в Политбюро ЦК «Заявление сорока шести», вследствие подписания его сорока шестью членами партии, вступившими в нее до 1917 г., ставившее еще шире и острее вопросы изменения внутривнутрипартийного режима и борьбы с аппаратным бюрократизмом, чем в последних ленинских работах, ибо за время болезни Ленина авторитарно-бюрократические тенденции в партии значительно возросли.

Для характеристики положения, сложившегося в партии, авторы «Заявления сорока шести» использовали термин «режим фракционной диктатуры внутри партии», сложившийся после X съезда, подчеркивая, что некоторые из них с самого начала относились к «диктатуре внутри партии» отрицательно, другие – сознательно пошли на «непротивление» такому режиму, считая, что поворот к нэпу, а также болезнь Ленина оправдывают его в качестве временной меры. Но все они сходились в том, что такой режим уже к XII съезду стал совершенно нетерпимым, убивая самостоятельность партии, подменяя партию чиновничьим аппаратом, безотказно действующим в нормальное время, но дающим сбои в моменты кризисов, теряя свою самостоятельность перед лицом надвигающихся серьезных событий¹³¹.

Серьезную угрозу авторы «Заявления» видели в отсутствии идейного и действенного единства в партии, предлагая срочно созвать совещание членов ЦК с коммунистами, имеющими взгляды на положение в партии и в стране, отличающиеся от взглядов большинства ЦК.

Столкнувшись с активной и влиятельной оппозицией своей политике, правящая верхушка немедленно подготовила меры по превращению оппозиции во «фракцию». В этих целях 17 октября был созван Президиум ЦКК совместно с «наличными в Москве» 26 членами и кандидатами в члены ЦКК из 60 избранных XII съездом без участия Троцкого, для обсуждения сообщения Куйбышева и Ярославского о письме Троцкого. Было принято постановление, подтверждавшее резолюцию Президиума ЦКК от 15 октября. Но голосование не выявило единодушия участников.

На следующий день Политбюро решило созвать экстренный объединенный пленум ЦК и ЦКК с приглашением для создания подавляющего большинства голосующих против Троцкого руководящих местных аппаратчиков для обсуждения внутривнутрипартийного положения. Большинство участников пленума был подготовлен «Ответ членов Политбюро на письмо тов. Троцкого», предназначенный для участников пленума. В этом «Ответе» от 19 октября письмо Троцкого трактовалось как сигнал к созданию фракции против ЦК. Утверждалось, что Троцкий в своем письме, нападая первым на ЦК партии, инициировал наступление на ЦК в трудный момент международного положения¹³².

В «Ответе» был включен специальный раздел – «Заявление 46 сторонников тов. Троцкого», где заявлялось, что «петиция» представляет «перепев письма тов. Троцкого... Нет сомнения, что мы имеем образец „планового“, „маневренного“, „координированного“ выступления»¹³³. Хотя до сих пор не обнаружено никаких доказательств участия Троцкого в разработке «Заявления сорока шести» и, наоборот, известно, что подписавшие этот документ были

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 176.

¹³³ Там же. С. 179–188.

ознакомлены с письмом Троцкого. Однако из бездоказательных утверждений делался вывод, что «тов. Троцкий стал центром, собирающим всех противников основных кадров партии»¹³⁴.

Большое внимание в «Ответе» уделялось мифу о стремлении Троцкого к личной диктатуре, прибегая к грубым искажениям фактов, например, утверждая, что Ленин якобы долго боролся против назначения Троцкого на руководящие посты. По вопросу о внутрипартийных дискуссиях авторы «Ответа» достаточно четко формулировали свою позицию, заявляя, что «дискуссий по платформам... по нашему мнению, и не нужно. А выдумывать их вредно»¹³⁵.

Жесткий и провокационный текст, написанный в виде провинциального фельетона, был отвергнут даже Бухариным, находившимся вне Москвы. Он телеграфировал после чтения документа в Секретариат ЦК: «Категорически настаиваю на следующих изменениях текста: во-первых, необходимо обязательное включение и развитие пункта о внутрипартийной демократии; во-вторых, нельзя изображать экономический кризис в столь розовых красках; в-третьих, необходимо гораздо больше использовать ноту о партийном единстве; в-четвертых, уничтожить все признаки газетного фельетона»¹³⁶. Однако эти требования Бухарина в текст документа не были внесены, а подпись его была сохранена. Троцкий в день появления «Ответа членов Политбюро» сделал первый шаг к опровержению инсинуаций в свой адрес, направив письмо в Президиум ЦКК и Политбюро, указывая, что на протяжении длительного времени воздерживался даже от попыток создания фракции: «В то время, как прения внутри ЦК немедленно же становились достоянием широких кругов партии – в форме, направленной против меня, – я неизменно воздерживался от каких бы то ни было объяснений с не членами ЦК по спорным вопросам»¹³⁷.

Объясняя причины написания письма и ознакомления с ним «для проверки собственной оценки создавшегося положения... менее десятка ответственных товарищей»¹³⁸, Троцкий разоблачал сущность маневров руководящей верхушки ЦК и ЦКК по обвинению его во фракционности, напоминая, что Политбюро уже ранее отклонило предложение Президиума ЦКК обсудить в пределах ЦК и ЦКК вопросы, поставленные в его письме от 8 октября, считая, что оно якобы получило массовое распространение.

23 октября Троцкий направил письмо членам ЦК и ЦКК с развернутым анализом обвинений в его адрес, выдвинутых в «Ответе членов Политбюро», заявляя, что авторы «Ответа» подменяют поставленные им вопросы о партийном кризисе формальным обвинением его в создании фракционной платформы. Он утверждал: «Нет ничего опаснее, как доведение до бюрократического абсурда решения, запрещающего создание внутри партии фракционных организаций»¹³⁹.

Добавляя: «Действительно нефракционный режим в партии может на деле не нарушаться только в том случае... если руководящие учреждения сами не проводят политику скрытого фракционного подбора, с величайшим вниманием относятся к голосу внутрипартийной критики, не пытаясь ликвидировать всякую самостоятельную мысль партии обвинением во фракционности»¹⁴⁰.

Возражая авторам «Ответа» по поводу разногласий между ним и большинством Политбюро, Троцкий резко выступил против обвинений в свой адрес. Касаясь фарисейского заявления о том, что Политбюро не могло и не может «взять на себя ответственность за удовлетворение претензий т. Троцкого» на руководящие хозяйственные посты, он привел выдержки из

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 190.

¹³⁷ Там же. С. 174, 175.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 167–181.

¹⁴⁰ Там же.

писем Сталина и Рыкова, предлагавших назначить Троцкого одновременно зампредела СНК и председателем либо ВСНХ, либо Госплана, подчеркивая, что «тот исключительный успех доклада тов. Троцкого на съезде дает полную гарантию, что партия целиком одобрит это назначение»¹⁴¹, дискредитируя этим беспочвенные попытки Сталина и его окружения представить Троцкого рвущимся к власти.

25 октября был созван объединенный пленум ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 губернских организаций. Его работа долго оставалась неисследованной, ибо большинство материалов считались закрытыми. Считалось, что Троцкий по болезни на пленуме не присутствовал. Сейчас же известно из новых публикаций о присутствии Троцкого на всех заседаниях пленума, и выступавшего на них четыре раза, и участвовавшего в поименном по его требованию голосовании. 25 октября Сталин и затем Троцкий выступили с докладами. Поздним вечером 26 октября, после завершения прений, оба докладчика выступили с заключительным словом.

Троцкий, отвечая на обвинение его Сталиным в том, что в последнее время он воздерживался при голосовании в Политбюро по важнейшим хозяйственным решениям, якобы устраивая obstruction, объяснил это тем, что большинство Политбюро игнорировало его предложения о предварительной проработке всех хозяйственных вопросов специалистами до вынесения на решение высшего партийного органа. «Ведь если... такой предварительной проработки нет, то как можно такие вопросы разрешать? Этого я абсолютно не понимаю. Ведь я лично не могу голосовать на Политбюро, если опытные люди, собаку на этом съевшие, не проработают предварительно этих вопросов»¹⁴². Но поскольку «в Политбюро есть другое Политбюро и в ЦК есть другой ЦК»¹⁴³, то, будучи фактически отстраненным от решения основных экономических вопросов, он избрал единственный оставшийся у него путь – направить в ЦК письмо с изложением своих взглядов на создавшееся положение.

Касаясь содержащихся в «Ответе членов Политбюро» обвинений в бонапартизме, в сосредоточении в своих руках «неограниченных полномочий в области военного ведомства», Троцкий отмечал, что во главе почти всех военных округов стоят сторонники большинства Политбюро, «только в Москве случайно руководит округом ужасный „троцкист“ – Муралов»¹⁴⁴.

Остановливаясь на причинах того, почему он не обратился в ЦКК по поводу ведущейся против него борьбы, Троцкий подчеркивал, что члены ЦКК знали о фактах преследований так называемых «троцкистов», об их смещениях и перемещениях, но никак на это не реагировали. «Как же я мог, зная все это, переносить вопрос на решение ЦКК? У меня не было доверия к большинству ЦКК и нет его»¹⁴⁵. Троцкий утверждал, что верхушка ЦКК во главе с Куйбышевым и Ярославским стала орудием Секретариата ЦК во внутрипартийной борьбе.

В заключение Троцкий взывал к разуму и совести участников заседания, обращая внимание на тяжелые последствия для судеб партии, способные возникнуть вследствие принятия предложенного пленуму постановления: *«Товарищи, я буду говорить начистоту. У нас есть в Политбюро товарищи, желающие это дело довести до конца – в смысле постоянного углубления разногласий, стремятся к тому, чтоб... сделать невозможной дальнейшую совместную работу.»*

Товарищи, прежде чем голосовать за него, постарайтесь продумать и понять мое положение... Товарищи, я был в отчаянно трудном положении, положении поистине трагическом.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

В то время, как эта сеть опутывала меня, я ничего не мог объяснить, не мог никому раскрыть, что правда, не мог принять бой. Но эту сеть разорвать было нужно...

Подумайте, товарищи, прежде чем принять решение. Если вы ступите на тот путь, на который вы как будто бы хотите вступить, вы сделаете огромную ошибку»¹⁴⁶.

Вслед за Троцким выступил Сталин. Его речь отличалась демагогией и бесчисленными передержками. Отвечая Троцкому, говорившему о том, что по национальному вопросу в Политбюро «были разногласия не только по линии преследования отдельных работников, но и в принципиальной стороне дела», Сталин лицемерно заявил: «Не понимаю: крупных разногласий не было»¹⁴⁷. Фарисейски выглядели и его объяснения по поводу колебаний членов Политбюро относительно публикации ленинской статьи о Рабкрине, объясняя их тем, что в этой статье «в трех местах было упоминание об опасности раскола», тогда как в Политбюро не было «и тени разногласий». Просто члены Политбюро боялись дезориентации партии¹⁴⁸.

Ограничения внутрипартийной демократии Сталин представил как «систему мер для ограждения партии от влияния нэпа». Отвечая участнице пленума Яковлевой о необходимости дискуссий в партии, Сталин язвительно заметил: «Как чеховская дама: „дайте мне атмосферу“. Бывают моменты, когда не до дискуссий... Партия ушла в огромную и важнейшую работу по мелочным вопросам. Выдумывать сейчас дискуссии преступно... Дискуссия в центре сейчас необычайно опасна. И крестьяне, и рабочие потеряли бы к нам доверие, враги учли бы это как слабость»¹⁴⁹.

Пользуясь тем, что большинству участников пленума были неизвестны бесплодные попытки Троцкого разрешить разногласия внутри Политбюро и ЦК, Сталин демагогически утверждал, что Троцкий, не «использовав все легальные возможности исправить „ошибки“ ЦК, через его голову обратился к членам партии. В этом суть вопроса, собравшего нас здесь»¹⁵⁰. Хотя письма Троцкого и «группы сорока шести» направлялись именно к ЦК и ставили ближайшей целью созыв совещания ЦК с инакомыслящими коммунистами для обсуждения спорных вопросов.

В заключение Сталин призвал осудить обращение Троцкого с письмом в ЦК как шаг, создавший «обстановку, грозящую нам расколом», требуя «обеспечить такой порядок, чтобы все разногласия в будущем решались внутри коллегии и не выносились вовне ее»¹⁵¹. Главная цель выступления Сталина заключалась в том, чтобы не позволить партии ознакомиться с серьезными разногласиями, запретив общепартийную дискуссию по спорным вопросам, отклонив проекты резолюций Гончарова и Преображенского о конструктивном решении возникших проблем и поиск компромисса между большинством Политбюро и «опозицией».

Сегодня в свете всего последующего исторического опыта идеи, выдвинутые оппозицией 1923 г., например, идеи борьбы за демократизацию партийной жизни, представляются бесспорными всякому непредубежденному человеку. Они и в то время находили активный отклик среди коммунистов, воспитанных на ленинских традициях, и среди партийной молодежи. В сопротивлении новому курсу оппозиции триумвират и поддерживавшие его аппаратчики с самого начала дискуссии прибегли к новому методу внутрипартийной борьбы: к оценке разногласий внутри партии как к борьбе между большевиками и элементами, чуждыми большевизму, ленинизму.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 185–187.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

В дискуссии 1923 г. впервые были опробованы приемы, успешно использованные Сталиным и его сторонниками во всех последующих дискуссиях: объявление любой возникающей в партии идейной группировки фракционной и раскольнической, а всякой критики в адрес большинства ЦК или Политбюро – покушением на единство партийных рядов; изображение самих внутривнутрипартийных дискуссий как «навязанных» оппозиционерами, как помехи социалистическому строительству, отвлекающей коммунистов от практической работы; напоминание оппонентам об их участии в прошлых оппозициях и фракциях, пытаясь связать былые разногласия с текущими.

Участники оппозиции неоднократно подчеркивали, что при Ленине в партийных дискуссиях никогда не наблюдалось такого озлобления и таких обвинений в отношении оппозиции. Обращает внимание язык самого Сталина: «Вы завьили», – обращается он к Троцкому. Осинского он предупреждает, что тот наткнется на сплошную стену, о которую расшибет себе голову. Это не просто злость, это уже и ярость.

Преображенский говорил, что дискуссия в «Правде» приняла тон, приведший в ужас провинцию, обрадовав белогвардейщину: «...Вы не проявили того хладнокровия, которое т. Ленин проявлял всегда, когда партия проверяла какие-нибудь вопросы. Ленин никогда не позволял себе хаять товарищей, выдвигавших решения, уже частично принятые»¹⁵².

Об огромных, тяжелых последствиях, нанесенных партии решениями дискуссий 1923 г., свидетельствует и письмо Крупской, написанное 31 октября Зиновьеву. Крупская, подчиняясь большинству, считая себя сторонницей триумvirата, а не Троцкого, крайне негативно оценивала беспринципно-интриганское поведение своих товарищей по триумvirату в ходе работы пленума. «Во всем этом безобразии – Вы согласитесь, что весь инцидент сплошное безобразие, – писала Крупская, – приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина, и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие. Если бы Вы не могли этого сделать, это бы доказывало полное бессилие нашей группы, полную ее беспомощность. Нет, дело не в невозможности, а в нежелании. Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов... Вот почему все так боялись того, что вся эта склока будет вынесена в массы. От рабочих приходится скрывать весь инцидент»¹⁵³.

«Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, имевшее место на пленуме, – писала Крупская. – Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В. И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В.И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать. Они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считают с его мнением, так искажают его?»¹⁵⁴

В ходе дискуссии между триумvиратами наметилось своеобразное разделение труда. В то время как Зиновьев и Каменев, выступавшие с пространными докладами, возглавляли пропагандистскую кампанию, Сталин через Секретариат осуществлял организационные меры, расцениваемые оппозицией как «исключительно механическое подавление общественного мнения известной части партии». Уже в ходе дискуссии некоторые оппозиционеры были сняты с

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 201, 202.

¹⁵⁴ Там же.

руководящих постов. Особенно острый характер приобрел эпизод со снятием Антонова-Овсенко с поста начальника Политуправления Красной армии.

27.12.1923 г. Антонов-Овсенко обратился в Политбюро и Президиум ЦКК с письмом, приводя многочисленные факты, свидетельствующие о том, что «весь аппарат партии приведен в определенное движение», направленное на подавление всякой критики большинства ЦК и изображение Троцкого в качестве знамени всего «не ленинского» в рядах партии. *«Эти бесшабашные и безыдейные нападки на того, кто в глазах самых широких масс является бесспорно вождем – организатором и вдохновителем побед революции, – создают болезненную тревогу, разброд и неуверенность... Партию и всю страну, вместо серьезного разбора серьезных вопросов, кормят личными нападками, подозрениями, желчной клеветой, и этот метод возводят в систему...»*¹⁵⁵

*«Знаю, что этот мой предостерегающий голос, – писал в заключение письма Антонов-Овсенко, – на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего впечатления. Но знайте – этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность интересам партии в целом, интересам коммунистической революции. Эти партийные молчаливники возвышают свой голос только тогда, когда сознают явную опасность для всей партии. Они никогда не будут „Молчаливыми“, царедворцами партийных иерархов. И их голос когда-нибудь призовет к порядку зарвавшихся „вождей“ так, что они его услышат, даже несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту»*¹⁵⁶.

12 января Оргбюро ЦК признало невозможной дальнейшую работу Антонова-Овсенко на посту начальника ПУРа в связи с его «неслыханным выпадом» и угрозой в адрес «зарвавшихся вождей». Выступая на пленуме ЦК 15 января, Антонов-Овсенко говорил: *«Настаиваю на совершенной ясности в постановке вопроса обо мне. Речь идет об отстранении с поста начальника Политуправления члена партии, осмелившегося выступить в партийном порядке против линии большинства ЦК, вредной для единства партии и моральной сплоченности армии... Считаю неоспоримым правом члена партии указывать членам ЦК на ту или иную опасность партийного положения... никакой угрозы не заключается в моем письме от 27 декабря, кроме – воздействовать в партийном порядке (через конференцию или съезд) на фракционно настроенных вождей со стороны партийно мыслящих товарищей... Я отнюдь не заблуждаюсь, что этой широко ведущейся кампании дан определенный тон и не кем другим, как товарищем Сталиным»*¹⁵⁷.

Результатом этого выступления стало направление Антонова-Овсенко за рубеж с дипломатическим поручением. На январском (1924 года) пленуме ЦК с особенно оскорбительными замечаниями в адрес лидеров оппозиции выступил Зиновьев, задавший тон дальнейшей их травле аппаратчиками. Пленум «подвел итоги партийной дискуссии, причем ряд выступавших членов ЦК, работающих на местах, в резкой и категорической форме осудили линию оппозиции в составе Троцкого, Радека, Пятакова и др. о легализации в партии фракций и группировок, о противопоставлении аппарата партии и т. п.»¹⁵⁸. Итак, еще до партийной конференции, которая должна была подвести итоги дискуссии, три члена ЦК, включая одного члена Политбюро, были публично обвинены в антипартийных взглядах, что предопределило распад и разрушение монолита партии.

¹⁵⁵ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 207, 208.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Вопросы истории. 1989. № 2. С. 92.

¹⁵⁸ КПСС в резолюциях и решениях... М, 1984. Т. 3. С. 143.

Историческое правосудие

Раскол партии длился десятилетие, закончившись кровавым финалом поголовного истребления инакомыслящей оппозиции и созданием основанного на страхе нового монолитного единения партии вокруг своего непогрешимого вождя. Потребовалось еще много пролитой крови, чтобы после его смерти появилась возможность восстановления исторической правды о сталинизме, представлявшем собой не кратковременный, прямолинейный и случайный, а длительный, противоречивый и драматический процесс. Мифы и легенды, основанные на сталинских идеологических концепциях, не могли быть стерты в сознании народа, измороженного многолетним зомбированием и оболваниванием. Инстинкт самосохранения подсказывал руководству партии, что искоренение и ликвидация исторических мифов приведет к устранению его с политической арены как узурпатора власти партии и народа, как основоположника многолетней лжи и догм.

Руководство страны вдруг столкнулось с дилеммой: осознание своего прошлого или его замалчивание. Был выбран путь селективного замалчивания, выпячивая только то, что невозможно скрыть. Тем самым руководство вскрывало внутренние нарывы, не касаясь причин их появления, ссылаясь на культ личности Сталина, на его индивидуальные, только ему присущие черты характера. Этому способствовало проводившееся десятилетиями зомбирование сознания советского человека, искаженного псевдонаучными начетническими, переходящими в догматические перепевы и почти религиозные постулаты исторических мифов марксизма, к которым относятся иллюзорные политические программы и утопические социальные проекты. Не свершились ни мифы Хрущева о радужном светлом будущем, ни о «перестройке сверху» Горбачева, ни путчи коммунистических вожakov, запутавшихся в авантюризме. Все эти звенья одной цепи, не способствующие освобождению рабочего класса СССР, скомпрометировавшие марксизм как учение, как идею. Они закончились полным разгоном компартии и провозглашением реставрации капитализма в распавшихся республиках СССР.

Идеологические мифы, однако, не оказали бы столь сильного дезориентирующего влияния на массовое сознание, если бы они не подкреплялись историческими догмами, служившими всегда, а особенно в кризисные эпохи, излюбленным духовным оружием реакционных политических сил. В отличие от псевдопрогнозов и нереальных обещаний, они не продукт политического заблуждения или социальной демагогии, а результат либо исторического невежества, либо сознательного замалчивания одних фактов и тенденциозной интерпретации других.

В принципе мифы, касающиеся прошлого, развенчать легче, чем демагогические проекты «судьбоносных» преобразований, обнаруживающие свою несостоятельность лишь в ходе их длительной проверки социальной практикой. Для опровержения исторических догм необходимо восстановить действительные факты прошлого, скрывавшиеся или искажавшиеся заинтересованными в этом политическими силами. Однако на такой путь очищения исторической правды от многочисленных мифологических напластований сталинской школы фальсификаций косная постсталинская бюрократия не могла и упорно не желала встать.

Даже в лучшие времена хрущевской «оттепели» в «партийных документах» и исторических работах, посвященных тому, что тогда именовалось «культом личности и его последствиями», содержались многочисленные оправдания ошибок и преступлений сталинской клики. Да и как могло быть иначе, если у власти оставались запятанные соучастием в сталинских преступлениях представители этой клики и возвращенные ею партократы, обязанные своими постами «большому террору».

Осудив наиболее одиозные и криминальные деяния Сталина, Хрущев не решился довести свои разоблачения даже до пересмотра фальсифицированных процессов 30-х годов

и «ограничил» преступную деятельность Сталина периодом, последовавшим за убийством Кирова, сохранив в неприкосновенности версии внутривластной борьбы 20—30-х гг., согласно которым Сталин «отстоял ленинизм» в борьбе с «антипартийными» течениями в ВКП(б). Не было сделано ничего к переосмыслению идейного наследия и политической роли оппозиционных сил в ВКП(б) и международном коммунистическом движении. Над несколькими поколениями советских ученых продолжал довлеть запрет на сколько-нибудь объективное исследование и освещение данной проблематики. Отстранение Хрущева от власти в 1964 г. означало долговременную победу консервативных сил в руководстве КПСС, наложивших табу на всякую критику Сталина и сталинизма, на пересмотр бесчисленных идеологических и судебных подлогов.

Лишь с 1987 года, на гребне «перестройки», в советской официальной идеологии аморфный термин «культ личности Сталина», мало что дающий для понимания трагедии большевизма и советского народа, был заменен термином «сталинизм», впервые выдвинутым левой оппозицией 30-х годов. Восстановление исторической правды открыло возможность реконструкции логической цепи ошибок и преступлений сталинизма и раскрытия подлинно социалистической альтернативы исторически сложившемуся течению событий. Но уже с 1989 г. критика сталинизма сменилась реставрацией (хотя и с обратным, негативным знаком) основного тезиса сталинской пропаганды: «Сталин – верный продолжатель дела Ленина и Октябрьской революции». Место прежних мифов заняли не менее произвольные и фантастические мифы и исторические деформации.

Наряду с этим продолжалась реконструкция реальных политических процессов, происходивших в 20—30-е гг. в партии и в стране, чему способствовал анализ недавно обнаруженных архивных документов, позволяющих полнее представить деятельность антисталинских оппозиций в 30-е гг., показавший, что вместе с новыми оппозиционными группами Сырцова – Ломинадзе, Рютина – Каюрова и др. в СССР продолжала действовать левая оппозиция, остававшаяся наиболее массовым политическим движением, противостоявшим сталинизму. Работы оппозиционеров, не капитулировавших и не сломленных тоталитарным режимом, неведомыми для сталинских сыскных органов путями переправлялись к Троцкому и публиковались на страницах «Бюллетеня оппозиции».

Вопреки Волкогонову, утверждающему, что у троцкистской оппозиции не было четкой программы, автор Роговин, к которому вновь обращаюсь, считает, что коммунистическое оппозиционное подполье обладало альтернативной сталинизму программой по всем вопросам мирового революционного движения и социалистического строительства в СССР. Именно все возрастающий страх, связанный с потенциальным усилением влияния этого движения в партии и стране, объяснял непрерывно ожесточавшуюся свирепость сталинской репрессивной машины по отношению к «троцкистам».

Октябрьская революция 1917 г. в России была, несомненно, самым важным событием XX века, и никакие сталинские репрессии не могли помешать, а только на время дискредитировали ее. Революция проходила в самом большом государстве мира, с населением более 165 млн человек, территориально в три раза большем, чем США, и большем, чем Индия и Китай вместе взятые. Она привела Ленина и большевиков к власти, уничтожив возможность сделать Россию демократической страной западной модели. Под властью Сталина политическая система, создавшая «Красный Октябрь», превратилась во всемогущую, репрессивную, авторитарную диктатуру. Нужно помнить, что революция изначально была экспериментом эгалитарного социализма, потрясавшего спокойствие Европы с 1918 г. до 1920-х гг., сохраняя опасность появления в ней, и не только в ней, нового «Красного Октября». Это в значительной мере способствовало в 1933 г. захвату власти Гитлером, обещавшим разрушить СССР, большевизм и всемирное еврейство раз и навсегда, прокладывая дорогу ко Второй мировой войне. После победы союзников сталинская советская система распространилась на центральную и

восточную Европу. Страх разрастания коммунизма привел к холодной войне между Востоком и Западом, закончившейся развалом СССР.

Однако революционные преобразования в России стали фактом, и их последствием явилось огромное положительное влияние на мировое социал-демократическое движение, результаты которого не только выражались в активизации и консолидации новых мировых идеологических концепций, но и в переходе к «мировым реформам» и социальной перестройке капитализма из-за страха капиталистических правительств перед усиливающимся движением рабочего класса за свои права. Усилилось национально-освободительное движение в колониальных странах за их освобождение от гнета империалистических государств, за получение независимости.

Уже в 30-е годы обнаружилось, что Октябрьская революция объективно принесла больше прав и свобод трудящимся передовых капиталистических стран, чем народам СССР. Оказавшись перед лицом социализма с его социальным вызовом, правящие круги буржуазно-демократических государств были вынуждены пойти на немалые уступки трудящимся своих стран, а впоследствии и колониальным народам, изменившим существенно всю капиталистическую систему. Многие политологи считают, что если на другой день после Октября не свершилась мировая революция, ожидаемая народами, измученными мировой и гражданской войнами и разрухой, то совершилась мировая реформа, и это было побочным результатом неслыханных жертв, принесенных народами России для общего дела социализма.

Начало этой «мировой реформы», или социальной перестройки капитализма, относится к середине 30-х годов, когда в ряде крупнейших капиталистических стран было введено прогрессивное социальное законодательство (законы о социальном страховании, платных отпусках, правах профсоюзов, государственной помощи безработным, «справедливом» найме рабочей силы и т. д.) и существенно расширилось государственное регулирование экономики с использованием плановых начал. В одних странах (например, во Франции) эти реформы были вызваны революционными выступлениями рабочего класса, в других (прежде всего в США) они стали результатом гибкой и предусмотрительной политики буржуазных правительств, их стремления предотвратить социальный взрыв, грозящий потрясением и ломкой господствующей системы. Но во всех случаях такие реформы означали внедрение некоторых социалистических принципов при сохранении экономических основ капиталистического строя.

Внимательное прочтение сталинских речей и статей той поры свидетельствует, что, инспирируя все новые политические кампании против «контрреволюционного троцкизма», Сталин, однако, внимательно изучал новые работы Троцкого и использовал их идеи в своей практической политике. Например, выход из периода «экономической чрезвычайщины» был достигнут в результате переориентации внутренней политики на осуществление мер, настойчиво предлагавшихся Троцким в годы первой пятилетки с установлением более низких и реалистических заданий для второго пятилетнего плана. В не меньшей степени идеи Троцкого оказали влияние на внешнеполитический курс Сталина, отказавшегося от трактовки социал-демократии как «социал-фашизма» и ориентировавшего советскую дипломатию и Коминтерн на установление широких антифашистских союзов. «Когда речь шла о безопасности собственного правления, Сталин с готовностью прислушивался к совету своего противника, хотя часто с запозданием и всегда в своей грубой и извращенной манере»¹⁵⁹.

Эта извращенная форма реализации даже правильных идей вытекала из того, что Сталин в вопросах большой политики неизменно оставался грубым прагматиком и эмпириком, неспособным к глубоким научным обобщениям и теоретическому предвидению. Как неоднократно подчеркивал Троцкий, Сталин никогда не обладал сколько-нибудь четким стратегическим планом и умением предвидеть даже ближайшие последствия своей политики; он никогда

¹⁵⁹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 270.

не исходил в выработке своей тактики из теории и стратегии, а, наоборот, приспособливал теорию и стратегию к потребностям тактики, изменяя свой политический курс лишь под давлением явных трудностей, возникающих на пути своей политической практики, в большей степени порожденной его бессистемной и необоснованной политикой.

Об отсутствии у Сталина политической дальновидности писал и Ф. Раскольников: *«Предпринимая какой-нибудь шаг, он не в состоянии взвесить его последствий. Он апостериорен. Он не предусматривает события и не руководит стихией, как Ленин, а плетется в хвосте событий, плывет по течению»*¹⁶⁰. Эта сталинская практика мышления не была улучшена ни им самим, ни его ближайшим окружением, из которого Сталин с конца 20-х годов последовательно изгонял самостоятельно мыслящих людей, предпочитая оставлять самоучек, способных лишь к беспрекословному повиновению его власти, распространив свои репрессии и на 30-е годы.

В 1933 г. в СССР завершилась растянувшаяся на шесть лет фактическая гражданская война правящей бюрократии с большинством крестьянства. Едва одержав победу в ней, бюрократия «стала изо всех сил возвращать новую аристократию»¹⁶¹, вызывая недовольство у широких масс.

Это нашло свое отражение в новой волне террора, сопровождающегося чудовищными судебными подлогами, положившими начало компрометации большевизма в сознании миллионов людей. Согласно этим историческим деформациям, партия большевиков с первых лет своего существования возглавлялась людьми, способными к самым низким уголовным преступлениям. Вакуум доверия к партии стал заполняться верой в исключительность и величие Сталина. Цепочка возникших на этой основе ложных схем распалась сразу же после разоблачения на XX съезде сталинских преступлений, породив новый вакуум доверия: Сталин представлял теперь в своем истинном обличье тоталитарного злодея, хотя с его главных политических противников не были сняты запятнавшие их обвинения.

Вместо того, чтобы прояснить неизбежно возникающие в этой связи недоуменные вопросы, преемники Сталина избрали постыдную форму умалчивания. На всякое положительное или даже нейтральное упоминание о деятельности большевистских лидеров, возглавлявших оппозиционные группировки после смерти Ленина, по-прежнему налагался запрет. В советских энциклопедиях 50—80-х годов содержались подробные персоналии Гитлера, Муссолини и т. д., но отсутствовали какие бы то ни было биографические справки о Троцком, Зиновьеве, Бухарине и других ведущих деятелях большевизма. Положительно характеризовались лишь несколько ближайших соратников Ленина, смиренно умерших до сталинского террора.

Тянувшаяся десятилетиями дезориентация советского общественного мнения относительно основных вопросов истории большевизма явилась решающей идеологической предпосылкой того, что в условиях горбачевской «гласности» антикоммунистической пропаганде удалось сравнительно легко «развенчать» в глазах широких масс весь большевизм во главе с Лениным. Пришедшим к власти новым хозяевам «поделенной» общественной собственности, лишенным моральных основ, уставшим от десятилетий сказочных догм массового очковитирательства, было глубоко наплевать на идейную подоплеку марксистского учения, в результате чего они без боя, быстро сдали позиции, завоеванные Октябрем и большевизмом. Страна за многие десятилетия не выдвинула ни одного идейно-политического героя-лидера, противопоставившего себя в суровой борьбе сталинскому режиму.

И на еще одно важное обстоятельство обращает внимание профессор А. Рабинович, дотошный исследователь первых лет становления советской власти, считающий, что полити-

¹⁶⁰ Раскольников Ф. О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 523.

¹⁶¹ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 226.

ческие заблуждения, вместе с моральными компромиссами, и ответственность тех, кто сознательно насаждал ложь и террор ради сохранения собственной власти, лежат в разных плоскостях, говоря о коллизиях того времени как о сложных и, вероятно, потому трудно понимаемых и почти неисследованных процессах огромного, не осознаваемого с первого взгляда значения.

Рабинович считает: *«Успешная борьба Ленина, которая на VII партсъезде в апреле 1917 г. направила партию на социалистическую революцию в России, была одним из решающих моментов в истории революции, даже если это не означало конец внутривнутрипартийным конфликтам. Разногласия между умеренными под руководством Каменева, придерживающимися мнения, что Россия еще не созрела к социалистической революции, и ленинцами, верившими в успех социальной революции в России, который был бы началом для решающих революций по всему миру, оставались глубокой и важной темой до конца 1917 г. После Октябрьской революции разделение вылилось в ожесточенные конфликты в начале ноября между умеренными и ленинцами по составу нового правительства, и в декабре из-за того, как нужно обходиться с Учредительным собранием»*¹⁶².

Он продолжает: *«Традиционно советские историки, а также большинство западных исследователей представляли, что большевики являются строго организованной монолитной партией, сплоченные авторитетным вождем В.И. Лениным, считая Октябрьскую революцию восстанием широких масс трудящихся, в то время как западные историки, наоборот, рассматривали это как военный переворот, относительно мало поддержанный населением».* Согласно взглядам Рабиновича, большевики после февральской революции перестроились в массовую партию с тесными связями с рабочими, солдатами и матросами. Их режим правления был разделен между умеренными центристами и радикальной фракцией, собравшейся вокруг Ленина. По мнению ученого, каждая из этих фракций привнесла свою долю успеха в Октябрьскую революцию, не считая ее ни народным восстанием, ни переворотом, даже тогда, когда она содержала элементы обеих. Она была скорее результатом сложного динамического, политического и социального процесса, имевшего свои корни в развитии России до февральской революции и усиленного безрезультатным участием в войне.

Троцкий присоединился к большевикам только на 6-м всероссийском партийном заседании в конце июля. Члены межрегиональной фракции Троцкого, такие как Володарский и Урицкий, присоединились к большевикам намного позже. Отношения между Лениным и Троцким характеризовались в 1917 г. обоюдным уважением. Троцкий попал в тюрьму вследствие своей защиты Ленина после подавления июльского восстания, помогал Ленину при подготовке к Октябрьской революции, оставаясь во время и после борьбы за власть твердым приверженцем Ленина.

¹⁶² «Die Oktoberrevolution 1917 in Russland war sicherlich das wichtigste Ereignis im XX Jahrhundert», Interview mit Prof. A. Rabinowitch // World Socialist Web Site (wsws.org/de). 02.06.2011.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.